

Annotation

1982 год. Активные боевые действия в Афганистане подошли к концу. Сергей Родин, с честью выполнив задание своей страны, возвращается в полк. Впереди прекрасное будущее, новые вызовы и свершения.

И главная цель - поступить в школу лётчиков-испытателей.

*

Авиатор: назад в СССР 9

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

*

Авиатор: назад в СССР 9

Глава 1

Я сделал один проход под нижней кромкой облаков, но кроме чёрного дыма и обломков самолёта на склоне видно не было. Кажется, и катапультироваться наш беглец не успел.

Самолёт выровнял по горизонту. Теперь есть возможность проконтролировать остаток топлива и принять решение, где садиться. Обдумать случившееся ещё будет время. Сейчас нужно думать о себе.

До аэродрома Шинданд далеко, а на топливомере стрелка почти лежит на левой стороне.

Кандагар рядом, но... это Кандагар. Там вечно всё через одно место. Надо вспомнить позывной борта, который ретранслировал мне команды с аэродрома.

Как там только его позывной? Помню, что цифры шли у него по порядку. Тогда пойдём с самого начала.

— 123й, 117му на связь, — запросил я, но в ответ тишина.

Я продолжил набирать большую высоту, чтобы хоть до кого-нибудь докричаться.

— 678й, 117му на связь, — продолжил я гадать с позывными.

На канале пеленгации, который я сейчас использую, навряд ли много экипажей сейчас. Поэтому, транспортник, похоже, ушёл со связи, не продолжив исполнять роль ретранслятора.

— 234й, 117му на связь, — ещё раз запросил я.

— Ответил, 117й. Все вас ждут, — весело ответил мне радист этого транспортника.

Надо же, угадал позывной! На панели загорелась лампа, предупреждающая меня об аварийном остатке. Теперь уже у меня точно нет вариантов. Посадку надо выполнять в Кандагаре.

Ещё минуту назад я переживал, что мне пришлось сбить одного из коллег. Пускай он и предатель, но не так-то просто это принять. А теперь волнуюсь за себя. Катапультироваться не хочу — возможно, никогда потом не смогу вновь сесть в кабину. Спина и так в последнее время не радуется.

— 234й, передайте на Янтарь — цель поражена. Координаты следующие, — ответил я и начал диктовать номера квадратов.

— Понял. Передаю, — ответил мой ретранслятор.

Взял курс на Кандагар и надо бы уже запросить о готовности принять меня. Переключил на станции канал на стартовую частоту этого аэродрома и начал вызывать наших коллег.

— Мирванс, 117му, — запросил я.

— Отвечает, Мирванс.

— Доброго дня! 117й, «весёлый», иду к вам с посадкой. Остаток аварийный, — доложил я и с опаской стал смотреть на топливомер.

Топливо уходило буквально на глазах, а до полосы лететь ещё километров 100. Остаток у меня уже был меньше 500. Но не в первый раз придётся на «ведре» садиться.

— 117й, у нас обстрел. Полоса не готова. Сейчас запросим для вас... — начал говорить руководитель полётами Кандагара, но тут же остановился.

Прошла минута после того, как не смогли на моём запасном аэродроме что-то решить. Даже курс мне не поменяли. Как шёл вдоль реки, так и продолжаю следовать в Кандагар.

Пока они там думают, я решил ещё раз спросить о возможности посадки.

— Мирванс, 117му. Есть решение по поводу посадки? Со всеми согласовали? — запросил я, проверяя положение рычага управления двигателем.

— 117й, обстрел у нас. Полоса частично разбита. Посадка невозможна, — быстро протараторил руководитель полётами.

— Мирванс, 117й иду к вам с посадкой. Своим решением, — твёрдо отвечаю я и начинаю смотреть в наколенном планшете данные аэродрома.

Частоты приводных радиостанций выставил. Курсозадатчик на посадочный курс установил.

— 117й, посадка невозможна. Следуйте на Янтарь, — продолжал вопить руководитель полётами.

Достали эти перестраховщики! Опять со своими обстрелами и поломками полосы.

— Мирванс, я 117й, сажусь у вас. Точка! — громко сказал я в эфир. — Рубеж начала снижения.

— 117й вас понял, — сказал руководитель полётами и начал зачитывать мне условия на заходе.

Особенно было весело слушать, как мне объясняют, с какой стороны у них сильнее стреляют. Затем пошло описание полосы. Вот тут я впервые за долгое время потерялся.

— 117й, посадку на полосу рассчитывайте с перелётом 250 метров. Далее на пробеге держитесь левее осевой. После центра полосы правее. Если до третьей рулёжки не остановитесь, то держаться строго по осевой. Как приняли? — спросил у меня в эфир руководитель полётами.

— Доходчиво объяснили, — не сдержался я от комментариев.

Погода была простая. Заходить на посадку в таких условиях одно удовольствие. Но вот полоса в Кандагаре судя по докладу совсем ни к чёрту.

Начинаю снижаться. Под собой вижу автомобильную дорогу с вереницей застав. Помню, что у каждой из них было какое-то своё название, а самую дальнюю нарекли не то «Нептун», не то «Плутон».

Перелетаю одну сопку. Внизу широкий участок реки Герируд, питающий целую долину.

— На посадочной 117й, удаление 10, — подсказал мне в эфир руководитель зоны посадки.

Окрестные кишлаки в дыму. Видно, что тут шли тяжёлые бои этой ночью.

Начинаю выравниваться. В воздухе висят вертолёты, обеспечивая прикрытие. Приближаюсь к полосе, в ушах зазвучат команды о проверке шасси и закрылков перед посадкой.

— Дальний, к посадке готов, — докладываю я и получаю разрешение.

Держу обороты чуть выше, чтобы сделать перелёт. Прошёл торец и прицеливаюсь в район рулёжки.

Высота 10, скорость 250... касание! Но это лишь половина дела.

Хорошо, что предупредили меня о полосе. Здесь не повреждения, а настоящие ямы!

Отклонил педаль влево, смещаясь от вытянутой поперёк полосы траншеи. Парировал разворачивающий момент правой педалью, и начал тормозить. Выпуск тормозного парашюта.

Торможу, но впереди ещё одна яма. Увернуться не успею, перелететь не получится. Слегка даю педаль влево и готовлюсь к худшему. Подломлю переднюю стойку шасси и клюну носом. Представил, как меня снесёт на грунт, а там можно и на мины уехать.

Вот она яма! Подскакиваю, но продолжаю ехать вперёд, зажимая при этом тормоза. Кажется, нужно поблагодарить советских сталеваров, за качественные стойки и пневматики колёс.

— Полосу освободил, — сказал я в эфир, сбрасывая парашют на повороте перед подборщиками.

Стоянка в Кандагаре практически ничем не отличается от Шинданда. Те же обвалования с размещёнными в них самолётами. К ним выложены рулёжки панелями металлических покрытий К-1Д. Те самые шершавые железные плиты, которыми обычно заделывают дырки в заборах.

Здесь ещё и запасную полосу начали выкладывать из этих металлоконструкций, но пока ещё не закончили.

Транспортные Ан-12 размещены перед зданием главного терминала аэропорта Кандагар. Выглядит это сооружение весьма эффектно. Несколько огромных панорамных окон с белыми полукруглыми арками, большой перрон для прилетающих самолётов, а также грузовой терминал, который сейчас был не чем иным, как стоянкой военной техники. Само здание испещрено следами от пуль и осколков, а рядом несколько сгоревших машин.

В торце полосы капониры с догорающими самолётами МиГ-21 дежурного звена. Видимо, Кандагар подвергся подобному обстрелу, как и мы когда-то на своей базе. Рядом афганский глинобитный домик и пара разбитых автомобилей АПА. Сразу видно, что основной удар пришёлся именно здесь.

Как вообще такое возможно, что мы выводим свои войска, оставляя свои части под обстрелами? Кандагар сейчас — наглядный пример, что не всех мы еще духов додавили.

На магистральной меня встретил техник, показывающий рукой, куда мне зарулить и под каким углом встать. Остановился и начал выключение, сразу открыв фонарь кабины.

Тут же почувствовал прохладный воздух с примесями керосина, дыма и гари.

— Здорово, Шинданд! — весело замахал мне техник, поставивший рядом стремянку, когда я снял шлем.

— С наступившим, Кандагар, — махнул я и стал отстёгиваться.

— Переположили вы нас. Говорят, у вас там ЧП произошло? — спросил он у меня, улыбаясь своими пожелтевшими зубами с несколькими железными коронками.

— Как обычно — всё через одно место, — ответил я, не решившись рассказать об угоне самолёта.

Глазами я искал вокруг какой-нибудь автомобиль с суровым и улыбающимся офицером рядом. Сомневаюсь, что особысты не захотят встретиться со мной для допроса.

— У вас тоже всё как всегда? Как не запросишь Мирванс, у вас обстрел, — сказал я и пригнулся, услышав характерный гул над головой.

Над стоянкой прошла пара вертолётов, продолжая кружить рядом с полосой.

— А правду говорят, что у вас там уже и МиГ-29е поставили дежурить? — спросил техник, закуривая сигарету.

Рядом с топливозаправщиком, достав при этом пистолет и вставив его в заливную горловину. Всегда знал, что советские техники самые бесстрашные!

— Такие самолёты у нас имеются. Наш полк должны пересадить на них в этом году, — ответил я, сжимаясь от холода.

В кабине после такой воздушной драки я насквозь пропотел. А здесь погодка не самая курортная. Ещё и ветер, задувающий за шиворот и в уши.

— Ты какой-то потерянный, паренёк. Чего случилось, что ты к нам по запасу сел? У нас полоса, как будто у кротов брачный период наступил, — поинтересовался техник, стряхнув пепел на бетон.

— Топливо не хватило бы до Шинданда, — быстро сказал я, продолжая трястись.

— А ты чего без куртки полетел? Это у вас в Шинданде может и тепло, а у нас прохладнее будет, — улыбнулся он и пошёл к железному ящику рядом с отбойником. Заправкой продолжил заниматься его коллега.

Через минуту «зубастик» появился с чёрной технической курткой в руках.

— Не успел отстирать от керосина. Будешь улетать — вернёшь, — накинул он на меня куртку.

Других вариантов всё равно нет, как бы мне согреться. Так что буду ходить и пахнуть аэродромом.

Со стороны главного терминала мчались два УАЗика, поочерёдно обгоняя друг друга. Какие-то прям гонки! Хотя, я догадываюсь, куда они так спешат.

Завизжали тормоза и два отечественных военных «джипа» остановились передо мной. Чуть не наехав мне на ноги, в желании быстрее оказаться первым рядом со мной.

— Так, где он? Быстро мне его показали? Спрятали? А я знал, что с вами что-то не то, Рудиков, — выскочил из первой машины дёрганный майор в отглаженной песочной форме и сразу направился к технику.

Об его «стрелки» на штанах можно порезаться. Вот только зачем он так готовился к встрече сопливого старлея.

— Евграфович, да перестань ты! Никто его не прячет, — сказал техник Рудиков.

— Не прячете? А где он тогда? Самолёт не наш, а вокруг все ваши, — размахивал он руками. — Этот вообще в куртке, которую только на коврик для входной двери можно использовать, — указал он на меня.

— Вы меня извините, но я не «этот», — поправил я этого дёрганного.

— Это... что... кто? — заверещал нервный майор, запинаясь на каждом слове.

— Гость ваш — старший лейтенант Родин, — представился я.

— Так! Что за шутки, Рафиков? Я приехал за лётчиком, который выполнил перехват самолёта. Этот больше на курсанта похож, чем на матёрого война, — отмахнулся майор, но потом задумался и начал присматриваться ко мне.

— Евграфович, ну он это. На форму его посмотри. Лётная же, — сказал Рафиков, подойдя ко мне. — Вы ж замполит. Всё знаете.

Майор ходил вокруг меня и не понимал подвоха. В очередной раз нетипичный замполит мне

попадаетея в Афганистане.

— Ты — Родин Сергей? — спросил он.

— Есть за мной подобный грешок, — ответил я.

— Никогда бы не подумал. Слишком молодой, — почесал голову замполит. — Поехали. В штабе посидишь, пока за тобой не приедут.

— А кто должен? — задал я риторический вопрос.

— Парень... ой-ой-ой! — покачал замполит головой. — Лучше тебе не знать.

— Но судя по всему, узнать придётся, — сказал я и майор показал мне на второй УАЗик.

На переднем сиденье сидел старший машины и, судя по выражению лица, он был недоволен одним только моим видом.

— Добрый день, Сергей Сергеевич, — официальным тоном поздоровался он со мной, презрительно посмотрев на меня. — Капитан Гуманов, оперуполномоченный местного полка.

В принципе, я даже не сомневался, что это и есть особист. Не разделяю его мнения, что день сегодня добрый.

— Здравствуйте, — поприветствовал я этого лысого человека с маленькими усиками под носом.

— Садитесь в машину, — сказал он, и едва я успел запрыгнуть на заднее сидение, как водитель рванул по магистральной рулѐжке.

Ехали в полном молчании, вдыхая терпкие ароматы, исходившие от моей новой куртки. Заметно было, что человек с усиками из последних сил пытался не обращать внимания на эти запахи. Не выдержал он в тот момент, когда мы выехали с лѐтного поля.

— У вас произошла течь топлива? — спросил лысый.

— Нет. Холодно просто, а я свою куртку оставил в Шинданде.

— Думали, что окажетесь в тёплых краях? — ехидно улыбнулся Гуманов.

Странно улыбается этот капитан. Мне уже начинает казаться, что я прохожу по этому делу не свидетелем.

Когда мы оказались в его кабинете, в течение пары минут было полное молчание. Гуманов занимался чем угодно, но только не общением со мной. Возможно, ему было просто поручено держать меня подальше от всех, чтобы я не сболтнул лишнего.

— Чаю не хотите? — спросил капитан.

— Можно, — ответил я и Гуманов пошёл к своему серому сейфу, на котором стояла большая банка с водой и металлический электрочайник.

Капитан налил воду и засыпал заварку чая «со слоном» в расписной заварник.

— Как вы умудрились попасть в эту историю, Сергей Сергеевич? — спросил он у меня, сыпая сахар в чашку.

— Оказался неподалёку, — ответил я.

Решил не отказываться от сладкого чая, поскольку нужно восстанавливать силы после головокружительного воздушного боя. Голова немного побаливает.

— Когда мне звонили коллеги и ваши кураторы из Шинданда, настоятельно просили вас оградить от чрезмерного внимания. Стесняетесь людей? — продолжал спрашивать Гуманов, медленно насыпая в чашку уже четвёртую ложку сахара.

Интересная просьба от моих особистов. Так сильно хотят скрыть эту историю? Сомневаюсь, что получится. Кто бы ни был беглецом, разборка, как и после Беленко, не избежать.

— Нет. Для меня самого подобная просьба удивительна. С людьми хорошо общаюсь, — ответил я.

— Понятно.

Через несколько минут закипел чайник и Гуманов разлил горячий напиток по кружкам.

— Спасибо, — поблагодарил я капитана, когда тот поставил передо мной чай.

— Пейте. Вы устали. Столько всего сделали за ночь, — сказал Гуманов.

Так-так! Началась игра на внимательность. Пытается меня подловить на какой-то неосторожной фразе. А я уже начал думать, что меня действительно в гости позвал к себе особист по просьбе коллег из Шинданда.

— Товарищ капитан, вы если что-то хотите напрямую спросить, то спрашивайте. Зачем эти все аккуратные и провоцирующие фразы? — спросил я и Гуманов, отхлебнув чай, ехидно улыбнулся.

— Никакой провокации, Сергей Сергеевич. Обычная работа простого оперуполномоченного, — ответил капитан и достал из ящика в столе тарелку с конфетами «Золотой ключик» и печеньем «Альберт».

— Понятно.

Конфетками я решил угоститься, но был настороже. Капитан очень нацелен на разговор. Может и спровоцировать на неверный ответ.

— Война заканчивается, а сражения ещё нет, верно? — спросил Гуманов и я, молча, кивнул.
— Сколько вы в Афганистане?

— С марта 1981 года, — ответил я.

— Немного вам оставалось, чтобы спокойно убыть в Осмон.

— Почему вы так сказали, будто я тут ещё останусь после положенного мне срока? — спросил я.

— Думаю, что ваша командировка закончится гораздо раньше, — твёрдо сказал капитан. — И я сомневаюсь, что вы этому обрадуетесь. Успели уже все свои дела закончить, прежде чем пойдёте под суд?

Да что он несёт? Он меня за предателя считает или... Похоже, что с Шинданда пришла команда меня не оградить, а задержать.

Дверь за спиной открылась, и на пороге появились двое мужчин в песочной форме с множеством карманов, в том числе и на рукавах. Та самая «эксперименталка», которая должна пойти в войска через пару-тройку лет.

— Он здесь, товарищи, — подскочил со своего места Гуманов и поспешил поздороваться с вошедшими.

Один из них — Краснов. Выглядел он уставшим, как будто новогоднюю ночь отмечал как это и полагается советскому человеку — много ел и пил, а потом поздно лёг спать.

Второй — Сергей Иванович. Какую должность в аппарате КГБ он занимал, я не знаю, но он явно был начальником для Краснова.

— Мы видим. Оставьте нас, — сказал Сергей Иванович и Гуманов вышел за дверь, оставив свой чай недопитым на столе.

Только сейчас заметил, что сижу на стуле и не отрываю своей пятой точки. А ведь в кабинет вошли минимум генерал с полковником. Аккуратно поставив кружку на стол, я начал вставать, почувствовав боль в позвоночнике. Попытался не корчить болезненную мину, но дискомфорт был очень чувствительным в нижнем отделе.

— Не торопись, Родин, — сказал Сергей Иванович и медленно подошёл ко мне. — Опять мы с тобой видимся при странных обстоятельствах, — сказал он и протянул мне руку, когда я выпрямился.

— Сам себе удивляюсь, — ответил я ему и пожал руку.

— А чего так керосином пахнет? — спросил Сергей Иванович и пошёл к столу. — Где так измазался?

Ох, и зря я взял эту куртку у техников! Лучше бы помёрз на улице, а потом согрелся чаем. Теперь везде со мной этот запах.

— На стоянке куртку техники дали, чтоб не замёрз, — ответил я.

— А спирт зажали или тоже угостили? — улыбнулся Краснов, здороваясь со мной.

— Не пью, Леонид Борисович, — ответил я.

— Помню, помню, — ответил Краснов и показал мне садиться.

Сам же Леонид Борисович сел позади меня у стены, взяв отдельный стул. Я и не надеялся, что разговор с этими людьми будет обычным.

— Итак, рассказывай, Сергей. Как всё было? — спросил Сергей Иванович.

После моего продолжительного рассказа, предполагаемый начальник Краснова отклонился назад и задумчиво почесал затылок.

— Как всё грамотно было продуманно. Наше упущение, Борисыч, — сказал Сергей Иванович.

— Мда. Из Толкачёва тоже не смогли вытащить эту информацию. Хорошо, что у нас есть Родин, — похлопал меня по плечу Краснов.

— В каком смысле? — удивился я.

Первая мысль была, что меня как-то использовали втёмную в этом процессе. Мол, всё рассчитали. А все эти догонялки были не чем иным, как инсценировкой, дабы найти уязвимые места у 40й армии.

— Ты не волнуйся. Репрессии, которые затронут твой полк тебя не коснутся. В этой истории ты один из немногих, кто поступил правильно, — сказал Сергей Иванович.

Насчёт правильно ли. Я не до конца уверен. Меня до сих пор гложет, что сбил кого-то из своих. Пускай это и было необходимо. Однако говорить об этом не надо. Неправильно поймут.

— Раз вы так считаете, я могу узнать имя беглеца?

Сергей Иванович посмотрел на Краснова и не торопился с ответом.

— Угонщик самолёта, чтобы совершить преступление, тяжело ранил часового. Когда он нанёс удар с воздуха по самолётам, были безвозвратно потеряны три борта, а также получил

смертельное ранение техник, — ответил Краснов.

В душе немного сжалось, поскольку на стоянке в это время был Дубок. Елисеевич, пожалуй, самый светлый человек во всём полку. Не хотелось бы даже думать, что он погиб.

— Так кто? — спросил я.

Глава 2

Середина января, 1982 года. Аэродром Шинданд.

Я до сих пор не могу поверить, что именно мой командир звена сел в самолёте и совершил это предательство по отношению к стране, зубы сводит от злости. В голове только и звучит вопрос — что это было, чёрт подери?

Как мог лётчик первого класса, кавалер четырёх орденов Красного Знамени, совершить предательство? Мало того, Валера теперь навсегда встал в ряд с теми, кому будут желать землю не пухом, а стекловатой. Как это случилось?

База в Шинданде, как и всегда в утренние часы, гудела и шумела. Самолёты и вертолёты выполняют гонку и опробование двигателей, а личный состав батальона охраны продолжает охранять периметр и своих товарищей. Очередной день службы «за речкой» для одной из трёх авиационных баз ВВС 40й армии начался.

Смотрю я на это и вспоминаю, как поднимались мы ни свет, ни заря, чтобы вылететь на удар по ущельям Панджшера. Иду по дорожке, выложенной из панелей металлоконструкций К-1Д, и ощущаю пыль Баграмского аэродрома, поднимающуюся при каждом шаге.

Пройдя мимо нового модуля, выкрашенного свежей краской в Шинданде, с улыбкой на лице вспоминаю нашу старую палатку, в которой мы провели первые недели после перебазирования на эту базу. Во рту до сих пор вкус отвара из верблюжьей колючки стоит.

Пройдя ещё несколько метров, я остановился у постаментов в память погибшим лётчикам и техникам. Перед самым убытием основной части нашего полка в Союз, была организована эта небольшая стела с именами и фотографиями тех, кто не с нами. На свалке взяли киль от МиГ-21 и из него сделали памятник.

Я всматривался в глаза этих погибших ребят на фото, и мне больно на душе. Эти люди навсегда останутся в памяти своих товарищей и за них каждый раз будут поднимать третий тост. А что скажут про Валеру Гаврюка? Как будто и не было его орденов Красного Знамени и тех поступков, что он совершал во имя Родины.

— С добрым утром, Сергеич! — поздоровался со мной Дубок, подошедший сзади и протянувший мне свою забинтованную руку.

— Привет, Елисеевич. Ты чего не спишь? Самолёт только после обеда, — спросил я, намекая, про сегодняшний рейс в Осмон.

— Да вот тоже пришёл. Помянуть бы надо братцев. И Лексеевича Томина обязательно, — сказал Дубок и достал из кармана гранёный стакан с кусочком чёрного хлеба.

— Мы с тобой сейчас, как Маэстро и Макарыч, — сказал я, вспомнив героев из известного фильма, но улыбаться было тяжело.

Слишком много погибло ребят за неполный год. И командира не уберегли.

— Так, не самый плохой пример, — ответил Дубок, налил из фляжки спирта в стакан и поставил его, как и положено, перед постаментом. — Помянем, — выдохнул Елисеевич и пару раз глотнул из фляжки.

Пару минут мы, молча, смотрели на памятник. Но в голове я до сих пор не мог осознать произошедшее с Валерой.

— Гаврюка тут не хватает, — тихо сказал Дубок.

Без преувеличения, он заслужил, чтобы его уважали и помнили. Но это было до того, пока он не перешёл черту.

Как можно было связаться с таким Иудой, как Толкачев? Оказалось, что Валера был с ним заодно. Именно Адольф Георгиевич устроил Гаврюку переучивание на МиГ-29 и всячески держал рядом с этими новейшими истребителями. Видимо, угон планировался давно.

— И ты думаешь, после случившегося он имеет право быть здесь? — указал я на памятник.

И действительно! Когда Толкачёва взяли, Валера запаниковал. Ведь Адольф мог спокойно сдать всех своих подельников, и с кем он имел связи. Пускай Валера и не был его информатором, но он мог стать исполнителем грандиозной диверсии. В итоге Гаврюк на неё и решился.

— Пусть в нашей памяти, Валера останется командиром звена и первоклассным лётчиком, не так ли? — спросил у меня Елисеевич.

Как? Пусть Валера многому меня научил, но в первую очередь он выполнял свою работу. А вот то, что он предал Родину — простить нельзя. 31 декабря Гаврюк вместе с Барсовым пошёл в столовую за пирогами. Затем начинил их большим количеством снотворного. Но добродушный Марик выполнил просьбу Лёли, которая специально для меня испекла другой пирог. О нём, судя по всему, Валера узнал только за столом, но план не отменил. Ведь это уже было невозможно, поскольку он не действовал в одиночку.

— Первоклассный, говоришь? — возмутился я. — Как бы сейчас отреагировал на это погибший рядом с тобой техник с МиГ-29? Да и тебе каково было лежать в госпитале с осколочными ранами?

Так как топливо в самолёте было маловато для полётов на малой высоте с большой скоростью, Гаврюку пришлось подключить своих западных кураторов. Когда Валера взлетел

и направился в сторону Пакистана, ему на перехват были обязаны вылететь истребители из дежурного звена аэродрома Кандагар. Но группа душманов осуществила мощный обстрел из эрэсов. Повредили самолёты и разбили часть полосы. Тем самым дали возможность Валере уйти «за ленточку».

— Твоя правда. Но он за свой грех уже расплатился. Это был его выбор. А наш с тобой — простить его или забыть совсем, — сказал Дубок, по-отечески приобняв меня.

Простить? Он по своим стрелял, часового чуть не убил. А один из техников и вовсе погиб. И за что?

— Ты извини, Елисеевич, но собаке — собачья смерть, — сказал я, пожал руку Дубку и пошёл обратно в модуль.

После событий новогодней ночи не приходилось рассчитывать на хорошее времяпрепровождение. С каждым днём пребывание в Шиндане становилось всё тяжелее и тяжелее.

Группу нашего полка, которую оставляли для несения боевого дежурства здесь, в полном составе, сменила другая. Из Союза прибыли нам на замену лётчики-истребители на МиГ-23х.

Под домашний арест нас не сажали, но большую часть времени мы проводили в нашем модуле. И каждый день, допросы, беседы, снятие показаний и так далее. Опрашивали всех, включая штабных работников и официанток в столовой. На нервной почве все стали заниматься спортом.

Сегодня нам вновь предстоял визит к особистам. Утренняя немая сцена в комнате, когда товарищи смотрят на тебя потерянными глазами — стала обыденным делом.

— Конец моей карьере, — вздохнул Гнётов, сидя на кровати и «пересчитывая» свои пальцы.

По моим наблюдениям, тяжелее всех пришлось именно зам. комэска. Григорий Максимович понимал, что ему уже не светит повышение и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

— Григорий Максимович, давайте оптимистично смотреть на вещи, — начал рассуждать Марк, который не унывал даже в такой ситуации.

— Барсов, прекрати говорить умные слова. Они тебе не идут, — ворчал Мендель, выводя очередной рисунок в своей тетради.

— Паша, ты Рембрандт недоделанный! — воскликнул Марк. — Всё рисуешь и рисуешь. Лучше бы делом занялся.

— Каким? Личную жизнь я себе на пару десятков лет уже устроил, — сказал Мендель, намекая, что по приезду его ожидают сразу две женщины.

— Это да! — ехидно улыбнулся Марк, но завидев мой осуждающий взгляд, успокоился. — Серый, а ты чего такой спокойный? Всё порешал?

— А ты всё болтаешь и болтаешь. Посиди молча, — сказал я.

— Серый, а ты когда нам расскажешь подробности боя? — спросил Паша, поправляя покрывало на кровати.

Почти две недели меня мучают этим вопросом, но ответить я не могу. Краснов и его коллеги постоянно говорят мне, что о воздушном бое нужно молчать. Мол, не нужно знать остальным, как можно сбить на «весёлом» МиГ-29.

Через полчаса я стоял в штабе дивизии перед кабинетом особиста — Полякова. Это уже третий мой разговор на тему угона самолёта. И каждый раз мне приходится вспоминать последовательность своих действий в тот злополучный день.

Дверь открылась, и из кабинета вышел Гнётов. Красный и мокрый, руки трясутся, и взгляд затравленный. Будто его пытали, выбивая признательные показания.

— Твоя очередь, — сказал Григорий Максимович и прошёл мимо меня. — Конец моей карьере, — тихо проговорил он, удаляясь по коридору, наступая на скрипучий деревянный пол.

Войдя внутрь, я опять оказался перед Поляковым лицом к лицу. Он, слегка небритый, сосредоточенный и с кружкой чая в руке, поздоровался со мной и продолжил свои бумажные дела.

— Я закончил, — сказал он, отодвинул в сторону рабочую тетрадь и взял бланк. — Чистая формальность. Хочу, чтобы мы с тобой общались, а не юлили.

Очередная бумага о неразглашении информации подписанная мной. Даже крупные личности в КГБ не проходят мимо таких формальностей.

— Замечательно, — сказал он, забрал у меня подписанную бумагу и положил в свою папку. — Должен тебе сказать, твои показания помогли нам полностью восстановить всю картину событий.

— Только мои? Я там был не один.

— Раненый прапорщик Дубок и погибший сержант из техсостава МиГ-29 — не в счёт, — сказал Поляков, отхлебнув горячий чай.

Прекрасно сказали! «Конторе» всегда было не до погибших людей.

— Рад, что был полезен, — ответил я. — Только я одного понять не могу. Почему вы нас так долго гоняли по допросам? Ни в Союз нас не отправляли, ни на дежурство не допускали?

— Да хватит уже с вас дежурств. Подежурили, что до сих пор расхлёбываем. Ну а если серьёзно, то мы не нашли останки капитана Гаврюка. Зато был обнаружен парашют и вскрытый носимый аварийный запас. Шли поиски, но, увы. Безуспешно. Ты не переживай Родин. Рано или поздно мы его всё равно найдём.

— А почему я должен переживать?

— Ты — тот, кто его сбил. Мы думаем, что рано или поздно, он захочет с тобой поквитаться.

Значит жив...

— Я могу идти?

— Береги себя, Родин, — сказал Поляков и пожал мне руку. — До встречи.

Ох, и не хотелось бы!

Следующим местом, куда мне необходимо было попасть, был штаб полка на аэродроме. В коридоре, который вёл к кабинету командира, было много людей. Все шли к новому старшему авиационной группы в Шиндане с документами для подписи. Сегодня как раз улетает самолёт в Союз, а значит, будет много «передачек» документов для утверждения в штабе округа. Документооборот — вещь сложная и долгая.

— Вы куда без очереди? — возмутился старлей со стопкой красных папок.

— Меня ожидают, — спокойно ответил я.

— Это у вас раньше тут были такие порядки в Шиндане, — проворчал майор, размахивающий кипой листов, словно опахалом. — Теперь по-другому будет.

Интересные перцы! Судя по ширине рожь, красивой форме и остаткам печенья на усах, явно не воевать сюда приехали.

— Вам бы вытереться, товарищ майор, прежде чем к командиру заходить, — сказал я и постучался в дверь.

Заглянув внутрь, я увидел сидящего за столом полковника и стоящую рядом с ним Асю. Они вполне себе весело ворковали, смеясь над какой-то шуткой.

— Товарищ полковник, разрешите войти, старший лейтенант Родин? — спросил я, и командир жестом пригласил меня.

Уже ефрейтор Кисель оценивающе посмотрела на меня, а потом сравнила с новым командиром. Полковник был вполне себе статным мужиком. Высокого роста, черноволосый, плечистый и выглядел явно младше своих 38 лет. Плюс — не женат. Хорошая партия для брюнетки Аси с навыками массажистки.

— Вы идите. Чуть позже зайдёте, и мы обсудим ваши... документы, — сказал командир и Ася, покачивая бёдрами, пошла к выходу.

Полковник внимательно смотрел ей вслед, кивая при каждом шаге ефрейтора. Как только она закрыла дверь, он повернулся ко мне.

— Хороша? — спросил он.

— Не пробовал, товарищ полковник, — честно ответил я.

— Понятно. Родин, верно? Герой войны и орденосец всего, чего только можно. Что там у тебя? — спросил полковник.

— Документы, выписки на убытие. Сегодня улетаем. И постановку бы надо провести на перелёт, — сказал я, выкладывая перед новым командиром базы документы.

— На перелёт постановку проведём. А ты уверен, что после всех событий здесь, для вас это будет не крайний вылет? — спросил он.

Изначально нас вообще не хотели подпускать к самолётам. Мол, потеряли доверие и всё такое.

Даже меня подозревали. Реакция особиста в Кандагаре была лишним тому подтверждением. Ему, кстати, позвонил в тот день наш Никитин и в таких «красках» обрисовал меня, что капитан Гуманов был готов сразу вывести такого негодяя, как я, за капонир и расстрелять. Только потом, по приезде Краснова и Сергея Ивановича, меня перевели в разряд свидетелей.

Сейчас оттаяло руководство в Кабуле и решило дать нам возможность улететь своим ходом. А может, просто кому-то надо перегнать отсюда в Осмон оставшиеся МиГ-21. Новый командир прибыл сюда со своими лётчиками на МиГ-23. Теперь в Афганистане только в Баграме осталось звено «весёлых».

— Думаю, в Союзе решат, что с нами делать, — сказал я.

— В этом ты прав. Не мне разбираться с вами, но если хочешь, выскажу своё мнение, — сказал полковник и расписался во всех документах.

— Это необязательно, — ответил я.

— Но я всё же скажу, — поднял он на меня глаза. — Вы теперь с чёрной меткой. Каждый из вас. Не знаю, что там действительно произошло и кто виноват, но доверия к вашей группе теперь никакого.

С этими словами он собрал все бумаги и протянул их мне.

В Ан-12 продолжали загружаться техники. Сумки, рюкзаки, чемоданы, ящики с запасным имуществом и принадлежностями — всё нужно забирать с собой.

На стоянке нас готовили к предстоящему вылету. Заглушки сняты, кабина открыта, стремянка приставлена. Я выполнял осмотр, а Дубок всё равно находился рядом.

— Елисеевич, ты на самолёт не опоздаешь? — спросил я, когда закончил с обходом самолёта.

— Как же я тебя оставляю? Конфету надо дать на дорожку, — сказал Дубок и достал из кармана две конфеты. — Крайние.

— Ты прям рассчитал, чтоб к концу командировки всё закончилось, — улыбнулся я и стал надевать шлем.

— Рано улетаем, — выдохнул Дубок, наблюдая, как я осматриваю маску.

— Нет. Мы своё дело здесь сделали. Пора домой, — ответил я. — Всё здесь закончилось.

— Знаешь, а я вот чувствую, что всё только начинается, — сказал Елисеевич и пошёл к стремянке вместе со мной.

Не стал он меня сегодня усаживать в кабину. Всё-таки болит рука и я уже не такой лёгкий.

— Янтарь, 107й, группе запуск, — запросил Гнётов в эфир, как только я подсоединился к радиостанции.

— 107й, запуск разрешил, — ответил ему руководитель полётами.

Очередной цикл запуска двигателя, проверка оборудования и параметров. Фонарь кабины закрыл. Разрешение на руление от РП получил.

— 107й, 117му, — запросил я.

— Ответил.

— Проход с кем в паре будете делать? — задал я вопрос.

— Эм... — задумчиво в эфир сказал Гнётов.

А про прощальный проход над полосой все позабыли!

— Янтарь, 107му. Разрешите после взлёта над полосой проход. Прошу разрешение всей группой, — запросил Гнётов.

Это интересно! Нас четверо, так что звеном будет смотреться красиво.

— 107й, разрешил проход. Сбор на петле и далее группой не ниже 100 метров проход, — ответил нам руководитель полётами.

Первая пара Гнётова и Менделя вырुлила на исполнительный. За ними по готовности будем взлетать мы с Барсовым.

— 107му, группой по одному по отрыву, взлёт разрешил, — дал команду РП и Гнётов тут же включил форсаж.

Через несколько секунд уже и я мчался по полосе, поднимая носовое колесо, а затем и основные стойки шасси. Разворот вправо и вижу впереди, как собираются в пару два самолёта.

— Разрешите пристроиться слева, — запросил Мендель и получил разрешение.

Я продолжал выполнять разворот и одновременно подходить ближе к Паше.

— 117й, слева на месте, — доложил я.

Прошло несколько секунд, и рядом со мной появился Марик.

— 118й, слева на месте, — доложил он.

— Разворот вправо, крен 45, и рааз! — дал команду Гнетов, и мы пошли разворачиваться в сторону аэродрому.

Вот он Шинданд. Вокруг пустыня, кишлаки и где-то на западе отдельные горные хребты. Полоса перед нами и время уже снижаться до расчётной высоты.

— Занимаем 100, — дал команду Гнётов.

Но снижаться стали ещё ниже. Аккуратно, как будто пытаемся погладить полосу.

— Выравниваем. Обороты 90%, — подсказал нам Гнётов.

Проходим ближний привод и вот он аэродром, который мы сегодня покидаем. Нескоро здесь сядут очередные МиГ-21. Возможно, мы последние, кто летал здесь на легендарных «балалайках».

Красивый проход и не менее красивое покачивание с крыла на крыло от нашего ведущего.

Далее выполнили распуск и заняли курс на Бокайды. Как обычно, сначала там дозаправка, а потом ещё немного долететь до Осмона.

Высота большая, но даже отсюда видны те самые горы хребтов Гиндукуш и Паропамиз. Красивое зрелище, но сколько жизней забрали эти каменистые исполины?

Приближалась речка Амударья, а за ней и граница Советского Союза. С трепетом и немного неуверенно, Гнётов выдал в эфир заветную для многих фразу.

— 12107й, группой из четырёх единиц пересекаю границу Союза Советских Социалистических Республик.

Глава 3

Голоса группы руководства полётами своего аэродрома нельзя спутать с другими. После столь длительной командировки, уникальную интонацию, ударения в словах или съедания последних букв слышать очень приятно. На душе становится теплее.

— 117й, на посадочном, удаление 12, на курсе, режим, — дал мне команду руководитель зоны посадки.

— 117й, приступил, 600, — ответил я и начал плавное снижение по глиссаде.

Погода была прекрасной. Яркое утреннее солнце припекало через остекление фонаря кабины. Самолёт шёл ровно, не ощущая на себя болтанки от бокового ветра у земли.

Машинально смотрю по сторонам, вспоминая прошедшие дни «за речкой», когда каждая посадка — это риск попасть под удар ракеты душманов.

— 117й, удаление 6, контроли шасси, механизация.

— 117й, выпущено, 300, — снова доложил я, бросив взгляд на три зелёные лампочки сигнализации выпуска шасси.

Полоса приближалась. Впереди свой пробег закончил Мендель, сбрасывающий парашют перед освобождением полосы. Теперь и моя очередь пришла произвести посадку.

— 117й, дальний, 200, полосу вижу, к посадке готов, — доложил я, проверив включение фары.

— 117й, посадку разрешил, слева под 40, до 8 метров, — разрешил посадку руководитель полётами.

— 117го вижу, управляю, — вышел в эфир помощник руководителя на стартовом командном пункте у самой полосы.

Прошёл ближний. Самолёт болтало, но не критично. Выравниваю нос по осевой линии, а земля продолжает набегать. Посадочное положение принято. Осталось коснуться полосы и закончить этот полёт к дому. Касание!

— Задержи! — командует мне помощник руководителя, чтобы я повторно не отделялся.

Пробег по полосе был устойчивый, нос держался легко, не поддаваясь влиянию ветра. Мягко опускаю его. Самолёт всеми тремя стойками на осевой линии.

— Парашют... есть тормозной! — подсказал помощник, наблюдая за мной оранжевый купол

на стропках.

— С прибытием, 117й! — громко и радостно поздравляет руководитель полётами меня, указывая маршрут дальнейшего руления.

— Спасибо! Соскучился! — весело отвечаю я, переводя сбившееся от полёта дыхание. — Полосу освободил.

Рулил медленно, поскольку нужно оказаться на центральной заправочной в определённое время. Встреча прибывших из Афганистана, как мне довелось узнать, теперь является обязательным мероприятием.

На стоянке перелетающих экипажей построение личного состава, флаги, много гражданских, среди которых и дети. Все встречают своих родных, возвращающихся с войны.

— Паша, не торопись выходить, — тихо в эфир говорит Марик.

— Отставить разговоры! — громко осаживает его Гнётов.

Мда, сейчас и правда Менделю будет не особо радостно. Однозначно среди этой толпы есть его настоящая семья, которая вполне могла узнать про роман на стороне. Может и Алёна Буянова тут как тут.

Выключил двигатель и стал отстёгиваться от подвесной системы. Одновременно смотрел по сторонам и заметил, что на аэродроме много новых самолётов, строящихся укрытий и строений. Расширение нашего полка налицо.

— Как долетели? — весело спросил молодой техник, которого я видел впервые на нашем аэродроме.

Низкого роста, губастый и с маленьким «пушком» волос под носом. Откуда только он появился? Наверное, мне непривычно, что не Дубок меня встречает после полёта.

— Всё хорошо. А ты... — решил спросить я у техника, но он меня опередил.

— Сержант Бубко, первая эскадрилья, — представился он, поднося руку к головному убору.

— Без гимнастики, брат, — сказал я, снял перчатку и протянул ему руку, которую он не торопился пожать.

— Это... у меня руки после циа тима, — неуверенно сказал Бубко, спрыгивая со стремянки и пропуская меня из кабины.

— И что? Как будто у меня чистые, — улыбнулся я и, уже стоя напротив техника, снова протянул руку для приветствия.

— Ну, ладно, — радостно улыбнулся Бубко и поздоровался со мной. — Мне сказали, что я

теперь ваш техник...

— Не ваш, а твой. А что с Елисеевичем? — спросил я.

— Не могу знать. Тут перевооружение идёт очень быстрыми темпами, — махнул рукой вдоль стоянки Бубко, где уже красовались и Су-25, и Су-17, и МиГ-23.

— Понятно. А нас на 29е пересадят, значит? — спросил я.

— Так точно. Мы уже успели переучиться. К нам сюда из Липецка и Подмосковья люди приезжали. Показывали, рассказывали, зачёты принимали... лояльно, конечно, — застеснялся Бубко.

— Это нормально. Тебя как звать-то? — спросил я, снимая шлем и расстёгивая противоперегрузочный костюм. — Имя, отчество?

— Венька Саныч я, — весело подпрыгнул сержант.

— Значит, так и будем общаться, Вениамин Александрович. Меня можешь звать Сергей Сергеевич или просто Сергеич, понял? — спросил я.

— Ага, Сергей Сергеевич, — закивал Бубко.

— Ладно, пойду на митинг, — похлопал я его по плечу и направился к перрону.

Пока мы вчетвером собрались, я выслушал длительную перепалку между Менделем и Барсовым. Как же Марик и не будет подкалывать нашего «бракодела» Пашу?

— Слушай, так как теперь ты будешь их посещать? Надо большой дом строить и каждой комнату отводить, — предлагал решение сложившейся проблемы Марк. — Ну, на Востоке это нормально — многожёнство.

С нашей зарплатой — сомневаюсь. Хотя, лётный состав в денежном отношении не сильно обделён. Я вспомнил, что за Афган у меня на книжке, которая здесь в Союзе у бабы Нади, должны были скопиться неплохие деньги для нынешних лет. Всё же, платили двойной оклад. Плюс чеки Внешпосылторга.

— Ты задолбал, Барсов! Я тебя когда-нибудь очень сильно и аккуратно побью, понял? — сказал Паша и ускорился вперёд.

— Ты чего его достаёшь? — спросил я у Марка.

Гнётов не участвовал в нашей беседе. Он до сих пор был в каком-то ином измерении и раздумьях по поводу дальнейшей службы.

— Ой, ты вот не начинай, Сергей Радостный! — скривился Марик.

— Радонежский, балбес! — поправил я его.

— Не вижу разницы, — усмехнулся Барсов, укладывая рукой свои светлые волосы. — Пускай не расслабляется, а то у него были мысли напроситься на перевод в отдалённый уголок и без семьи туда поехать.

— Как будто это решит его ситуацию, — сказал я. — Ему нужно принять факт отцовства и заботиться о детях. Подадут на развод? Значит, так тому и быть.

— Серый, вот ты вообще не соображаешь, что Менделю кранты? — тихо сказал Марик, подойдя ближе. — Вспомни, как было после Беленко. Выявляли всех, у кого бельишко в шкафу обосранное есть. Чуть что-то не так, сразу палки в колёса по всем фронтам службы.

Есть истина в его словах. Не помню, насколько были большие репрессии после угона МиГ-25. Многим этот случай сломал карьеру.

— Так ты Марик тоже в этой группе, — сказал я. — Твой аморальный облик знаком всем не понаслышке.

— Мне просто не везёт в любви. Но сейчас, чувствую, что пойдёт. Женюсь скоро, но не знаю на ком, — развёл руками Барсов. — Максимыч, а вы что думаете? — спросил он у Гнётова.

— Думаю, что это конец карьеры, — ответил зам. комэска.

Марик покачал головой и покрутил у виска пальцем, показывая мне отношение к состоянию Гнётова. И правда, совсем потерянный стал майор.

К перрону подрулил Ан-12. По сценарию, сейчас своих родных у рампы самолёта встретят пришедшие семьи. После будет митинг, важные слова и мы разойдёмся по своим домам.

Марик похвастался, что сегодня же съедет на квартиру в город. К кому не уточнял, но он предвкушал приятный вечер. Сказал, что сильно изголодался по острым ощущениям.

Из грузовой кабины начали выходить наши техники, штабные работники и другие военнослужащие из подразделений обеспечения. Скопление людей, которые пришли встретить своих родных с войны никакое оцепление уже сдержать не могло. Да и не пытались.

Радостные крики, слёзы, объятия — всё вперемешку и выглядит естественно. Никакой постановки. Вот те самые эмоции, которые передать невозможно ни на фотографии, ни в кино.

Нельзя заставить жену на публику рыдать взахлёб, когда она не видела своего мужа почти год, а узнав, что он попал под обстрел, ждала весточку. Теперь он раненый, но живой стоит и обнимает её, опираясь на трость.

Как можно описать или показать на экране сурового мужчину, который ещё ни разу не видел

своего ребёнка. А теперь он держит его трясущимися от волнения руками. Старается изо всех сил сдерживать слезу и не закричать от счастья.

А можно ли описать тяжесть на душе офицера в потёртой куртке, чей ребёнок не может узнать в нём своего отца? Малыш пытается сделать шаг, но его останавливает что-то. Но вот прошло несколько минут и малыш, неуклюже, но делает шаг навстречу своему отцу и взмывает над землёй, подбрасываемый на сильных руках родителя.

Марик нежно обнимался с какой-то девушкой в бежевом пальто и сером берете. Гнётов шёл под руку со своей супругой и держал на руках сына. Мендель стоял и о чём-то говорил своей жене, которая поправляла его форму, покачивая коляску с ребёнком.

В этот момент я ощутил то самое одиночество. Да, в мои годы быть сентиментальным уже поздно. Но смотря на этих людей, хочется, чтобы кто-то также подошёл к тебе и поздравил с возвращением домой.

— Родин, — позвал меня знакомый голос со спины.

Повернувшись, я увидел перед собой Бажаняна в парадной форме.

— Товарищ командир, старший лейтенант Родин прибыл из заграничной командировки, — доложил я, вытягиваясь в струнку и приложив руку к головному убору.

— Поздравляю, — обыденно сказал Араратович и пожал мне руку. — Вот только не командир я больше. Новая власть теперь здесь, — сказал Бажанян и кивнул в сторону.

Рядом со сдвинутыми столами, накрытыми бордовыми скатертями стояло начальство и почётные гости. Выделялся в этой компании высокий и худой полковник. Араратович объяснил, что теперь наш полк подчинён 137му Центру боевого применения и подготовки лётного состава.

— Мы теперь называемся 632 инструкторско-исследовательский смешанный авиационный полк. Будем готовить лётчиков и техников к Афгану, — сказал Араратович. — Зайди после построения в кадры. Там тебе кадровики кое-что покажут.

И вот думай теперь, что ж там такое мне решили через кадры передать.

Через несколько минут началось торжественное построение. Говорили много, но всё по делу. Потом и вовсе всем поголовно вручили нагрудные знаки.

Раздавали очень быстро, без вручения документов. Я рассмотрел очередную награду и узнал в ней тот самый знак «Воину-интернационалисту», который должен был появиться значительно позже.

Красная муаровая лента крепилась к прямоугольной колодке. Сам знак представлял из себя круглый лавровый венок, на который наложена красная пятиконечная звезда с белой окантовкой.

— Данным знаком теперь будет награждаться каждый, кто нёс службу в Афганистане, — громко говорил начальник Центра, пока ещё в звании полковника. — Воины-интернационалисты, защитники Отечества! Родина никогда не забудет вашего ратного подвига. Вы там, в ущельях Панджшера, на склонах Луркоха или в долине Джелалабада — на переднем крае борьбы с набирающим силу международным терроризмом, спонсируемом империалистами с Запада...

Первое впечатление, что говорить он может очень красиво перед строем. Посмотрим, как будет дальше.

Слово взял и Араратович, который долго народ не задержал. Интересно будет посмотреть и на нового командира полка, когда он у нас появится.

Закончился митинг, все разошлись, а мне нужно в штаб. Забрав вещи из транспортника, я на «таблетке» домчал до расположения полка.

В кабинете начальника отдела кадров сидел всё тот же Трефилович, разгребавший очередные личные дела и множество бумаг.

— Ёпрст! — как обычно воскликнул майор Балтин, протягивая свою морщинистую руку. — Теперь надолго?

— Как получится, — поздоровался я, памятуя, что меня должны перевести. — Мне Тигран Араратович сказал подойти. Что-то мне пришло.

Голову подняла Карина, улыбаясь своей белоснежной улыбкой. Может, стоит поближе с ней пообщаться? Как-то уже соскучился я по женской ласке. А у этой девушки симпатичные и объёмные... кхм... глаза. Да, всё дело именно в глазах.

— Родин, это хорошо, что ты зашёл. На тебя пришли документы, — сказал майор и показал мне «отношение», в котором указывалось, что я рассматриваюсь к назначению на должность старшего лётчика в эскадрилью МиГ-23 в Камрань.

Блондинка Карина даже приподнялась со своего места, пытаясь заглянуть в этот документ. Вижу, что она по-прежнему предпочитает носить юбки покороче.

— Так это ж хорошо, — улыбнулся я. — Что мне теперь? Писать рапорт?

— Пфф! Не обижай старого кадровика! — воскликнул Трефилович. — Всё напечатали уже. Только роспись твоя нужна.

Теперь протянул он мне и напечатанный на машинке рапорт. Я быстро проверил орфографию, хотя это было ни к чему.

— Родин, у меня хорошо с русским в школе было. Ошибки проверять не нужно, — проворчал Балтин.

— На автоматизме просто. Привык читать документы, — улыбнулся я.

— Это хорошая привычка. Давай подписывай и беги по командирам за визами.

— Мы уже сегодня будем документы отправлять? — удивился я.

Ничего себе скорость! Вот что значит, когда в полку грамотный начальник отдела кадров!

— А чего тянуть? Вон, и Кариночка уже на пляжи Южно-Китайского моря хочет, — посмеялся Трефилович.

Карина застеснялась, но мне это даже понравилось. Стеснение на её лице смотрится очень притягательно. Но больше всего привлекают формы объёмных... глаз.

— Сватаете? — спросил я.

— Что, не нравится? Эх, вам красавцам-орденоносцам не угодишь, — махнул рукой кадровик, пройдя к стойке со справками.

— Вообще-то, я всё слышу, товарищи офицеры, — громко возмутилась Карина.

— Да мы знаем, Кариночка, — замахал руками Трефилович и приобнял девушку за плечи. — Эх, замуж выдам тебя и на пенсию пойду, — подмигнул мне старый майор.

Обещать Балтину не буду. Пока к семейной я жизни не готов. Хотя, глядя на сегодняшнюю встречу прибывших из Афганистана, мне ненадолго, но захотелось быть семейным человеком и вообще иметь родных. Надо бы в отпуск съездить и бабу Надю повидать.

Процесс подписания рапорта затянулся до следующего дня. Утром пошёл к Буянову домой.

— Родин, сегодня воскресенье. Забывай, Афган! Тут и выходные бывают, — попивая рассол из банки, встретил он меня в дверях своей квартиры.

— Рапорт бы надо быстрее подписать, — сказал я. — Чтобы процесс пошёл.

— Ой, и ты думаешь, что всё так гладко будет? Командира ты ещё не видел нового? — спросил Иван Гаврилович.

— Нет. А он уже прибыл? — поинтересовался я, убирая в папку подписанный комэска рапорт.

— Назначен. Был здесь. Завтра будет на рабочем месте, — кивал Буянов, прикрыв глаза. — Непросто тебе с ним будет.

— А вы?

— У меня над ним власти нет. Да и не будет он слушать нас. Пойди поговори, но на хорошее

не надейся, — ответил комэска и попрощался со мной.

На следующий день, после быстрого подписания рапорта у Бажаняна, я с Трефиловичем отправился к командиру. Теперь так просто к нему не попасть.

Новый командир установил график подписания документов. Всё должно подаваться через делопроизводство и приносится только определёнными людьми. По личным вопросам были выделены специальные дни. Сегодня как раз такой день.

— Вы прям подгадали момент, Трефилич, — сказал я, когда читал распорядок работы приёмной командира.

— Да, — вздыхал седой майор, перебирая бумаги на специальных полках.

В них оставляли документы на рассмотрение и подписание командиром. Потом забирали, не создавая при этом столпотворение в приёмной. Хотя, при Томине здесь «пробок» не было, а он старался принимать всех в любое время.

— Заходите, — позвал нас ефрейтор, вышедший из кабинета.

Ещё и адъютанта себе другого завёл командир, которого зовут Иванов Павел Егорович. Новый человек — новые порядки!

Войдя в кабинет, я представился командиру.

В кабинете всё осталось так же, как и было при Валерии Алексеевиче. Появилось, правда, больше портретов. Да и фотография Томина в ряду командиров полка теперь заняла своё почётное место.

— Сергей Трефилович, что у вас? — спросил полковник.

Среднего роста, короткая стрижка и очень хитрый взгляд. Как с ним общаться, ума не приложу.

— Товарищ полковник, на старшего лейтенанта Родина пришёл запрос на перевод в другую часть...

— Это как? Поясните, — спокойно спросил полковник.

Трефилович объяснил всю ситуацию. Рассказал обо мне и моих стремлениях после Афганистана и показал полковнику пришедшее на меня «отношение».

— И что я должен сделать? — спросил Павел Егорович.

— Вот рапорт, — сказал я и протянул бумагу для подписания новому командиру.

Иванов читал, почёсывая подбородок, периодически поглядывая на меня и на Трефиловича.

— И вы, Балтин, предлагаете мне его отпустить? — спросил Павел Егорович у Балтина.

— Так точно, — громко сказал кадровик.

Я уже начинал нервничать. Пройдя этот барьер, мне придётся ещё выше идти. Но первый шаг очень важен.

Павел Егорович подумал, взял ручку и что-то написал на рапорте. В душе стало тепло. Подписывает, значит, даёт добро на перевод.

— Держи. Свободны, — сказал Иванов и вернулся к своим делам.

Улыбаясь, я взял рапорт и готовился убрать его в папку. Но вердикт на рапорт Иванова был не в мою пользу.

«Нецелесообразно. Полковник Иванов П. Е.» — гласила надпись в левом углу.

Глава 4

Не такой развязки я ожидал в деле своего перевода. Что уж там говорить — я уже во сне видел пальмы и белый песок Вьетнама, а тут споткнулся в самом начале пути перевода.

— Товарищ полковник, на человека пришло отношение, — сказал Балтин. — При Валерии Алексеевиче вопрос о переводе был согласован.

— При всём уважении к памяти героя полковника Томина, в данный момент разбрасываться кадрами мы с вами не можем, — поднял на нас глаза Иванов.

Трефилович посмотрел на меня, намереваясь найти ещё какие-то законные аргументы для перевода в Камрань.

— Направление Вьетнама весьма приоритетное. Люди там нужны очень сильно. Нас могут просто обязать его перевести, — сказал кадровик и присел на стул, на который ему показал полковник.

— Люди нужны везде. Наш полк не исключение. В период формирования Центра переводы невозможны, — сказал Иванов.

— Товарищ командир, часть в Камрани тоже формируется, — сказал я.

— Вот пускай флот сам и находит лётчиков себе в полки. Или у вас какие-то особые планы? — спросил Иванов, убирая в сторону все бумаги. — Вы прибыли из Афганистана недавно?

По лицу командира было видно, что он определённо знает, кто перед ним. Зачем тогда все эти расспросы?

— Так точно, товарищ командир, — громко ответил я.

— Прекрасно. Получили боевой опыт. Награждён боевыми наградами? — спросил Иванов у Трефиловича.

— И не раз. Парень, со всех сторон положительный, — начал хвалить меня кадровик.

— Вот и хорошо. Тогда, товарищ Родин, объясните, зачем мне отпускать подготовленного лётчика? Ещё и с вашим уровнем подготовки, — встал из стола Иванов.

Ну, что и требовалось доказать. Обо мне полковник слышал. Мой уровень ему известен. Значит, будет всеми силами брыкаться, чтобы не отпустить меня.

— Товарищ командир, у меня в планах поступление в школу испытателей. Данный перевод...

— Не продолжайте, Родин, — сказал Иванов и достал из нагрудного кармана лётного комбинезона серебряный портсигар с маленькой красной звездой. — В испытатели... хм, — улыбнулся Иванов, открыл крышку портсигара и достал оттуда папиросу.

— Вы сами в моём возрасте не хотели? — не постеснялся спросить я и поймал недоумевающий взгляд Трефиловича на себе.

Командир пристально посмотрел на меня. В его взгляде читалось, что ему этот разговор начинает надоедать.

Вроде и нужно отказать мне в переводе, но кто его знает, насколько сильно за меня будет царапаться Граблин.

— Мало ли что я хотел. Я, как и вы, между прочим, служу там, где прикажут, — подкурил папиросу Иванов. — Или вы думаете, что после Афганистана вольны выбирать дальнейшее место прохождения службы?

— Вообще-то, Павел Егорович, есть указания по этому поводу из главного управления кадров. Там сказано, что подобная привилегия в выборе места службы у ветеранов Афганистана есть, — заметил Трефилович, перебирая бумаги в портфеле. — Вот и оно, кстати.

— Сергей Трефилович, я читал этот документ. Там сказано, при наличии кадрового резерва и без снижения боеготовности части, верно? — указал на документ Иванов.

— Подтверждаю, — смиренно произнёс Балтин.

С каждой минутой Камрань всё дальше от меня. А с ней и возможность поступить в школу испытателей. Спорить с новым командиром не стоит. Так «махнёт шашкой», что буду вечным дежурным по аэродрому.

— Откуда ты родом? — спросил у меня Иванов.

— Владимирск, — быстро ответил я, и полковник затушил папиросу в пепельнице, закрыв форточку.

— Замечательно. С завтрашнего дня вы, старший лейтенант Родин, в отпуске. Давно же не отдыхали? — спросил командир.

— Так точно, — ответил я, не понимая пока задумки Иванова.

— Сходите в отпуск, выспитесь, отдохните. Через месяц увидимся и тогда решим, что с вами делать, — сказал Иванов и сел на своё место. — Я вас не задерживаю, — указал на дверь полковник, и мы быстро покинули кабинет с Трефиловичем.

Интересное решение от нового командира. Дать мне возможность хорошенько всё обдумать. Хотя подумать действительно нужно!

В Осмоне оставаться не хочется, несмотря на расширение базы.

Пока я собирал свои вещи, в моей комнате сидел на кровати Марик и чавкал, поедая яблоко.

— В отпуск? Это тебе повезло.

— Как будто тебя не отпустили в отпуск, — сказал я, намекнув, что Барсов, как и Гнётов и Мендель тоже убыли отдыхать.

— Да мне это не особо нужно. Я бы лучше поучаствовал в распределении новых должностей, — мечтательно сказал Марк, делая чуть тише музыку на кассетном магнитофоне Шарп.

Привёз же наш красавец каким-то образом в Союз из Афганистана презент, за который многие бы в Осмоне отдали огромные деньги.

Из динамиков играли Арабески вперемешку с Оттаван. Марк продолжал подвывать в такт этим песням в стиле диско на своём ломаном английском.

— Ты так сказал, будто объявление висит на двери отдела кадров. Мол, записывайтесь в свободные клетки, чтобы заранее занять хорошую должность, — сказал я, аккуратно складывая свою рубашку.

— Ой, Серый! Я ж тебе так сказал, поскольку не жду чего-то хорошего от нового командования. Ты сегодня был в эскадрилье? Нет. А там мужики всё мне рассказали, кого и что ожидает, — с набитым ртом проговорил Марк.

В принципе, об этих слухах я знал, но теперь есть подтверждение. Пускай и слабое, если учитывать репутацию Барсова.

Араратович уже не будет командиром полка. Это понятно, раз Иванов уже сидит в бывшем кабинете Томина. Комэска через три месяца уйдёт на пенсию. С Гнётовым непонятки. Ходил он общаться с начальством, но пришёл, как и я с отпускным билетом.

Про Менделя вообще странные разговоры. Он то на север переводится, то ли на Сахалин.

— Карина с кадров сказала, что он к Трефиловичу приходил и просил найти ему место. Чем дальше, тем лучше, — сказал Марк, просматривая книгу Лермонтова. — Как ты это читаешь, если здесь даже картинок нет?

— Это слишком сильное чтиво для тебя. Начни с чего попроще, — забрал я у него синий том с произведениями великого русского поэта.

— С чего же начать? — с интересом спросил Марик.

— С «Родничка» начни, — сказал я.

— Ой-ой-ой! Смешно, что звездеч! — возмутился Барсов. — У тебя когда отъезд?

— Завтра в плане перелётов есть до Астрахани борт. С ними домчу, а там и до дома, — ответил я, застегнув сумку и поставив её под кровать.

Марк вопросительно смотрел на меня, будто ждал от меня денег.

— Что такое? — спросил я, прикладываясь на кровать.

— Ты издеваешься? Сколько нас дома не было? У тебя нигде не чешется? — удивился Марик.

Пожалуй, с ним стоит согласиться. В кабинете Балтина я на Карину смотрел, как волк на зайца.

— Ты если что-то предложить хочешь, то говори. А то издалека заходишь, — сказал я, готовый к предложению весело провести время.

— Родин, ты меня удивляешь. Я думал, ты после Вещевой ещё долго отходить будешь. На тебя это...

— Ты зубы не заговаривай. Предложения какие? — громко сказал я, поднялся с кровати и выключил музыку.

И повёл меня Барсов в городской парк. Время для прогулок он нашёл просто идеальное. На улице плюс 5, и девушки уже давно не носят лёгкие платья. Музыка не играет. Деревья стоят голые, и народу нет совсем.

Странная получается прогулка, когда только мы вдвоём с Мариком, подложив газеты под задницу, восседаем на одной из лавочек.

— Прекрасно, да? — спросил он у меня.

Посмотрел я по сторонам и не увидел хоть что-то хорошее. Одинокие аллеи,

покачивающийся от ветра фонарь на столбе, а народ даже рядом с детским кинотеатром «Антошка» не толпится.

— У тебя странный юмор, Марк. Ты же собирался хорошенько погулять. Желательно, привлечь к этому противоположный пол, — возмутился я, укутываясь в свою куртку.

— Ты не понимаешь. Знакомиться нужно именно в таких местах. Неожиданных, я бы сказал, — начал он выдавать мне свою теорию знакомства с девушками.

Пикапер хренов! Собрался заморозить меня на свежем воздухе. После таких посиделок на газетке в парке ничего не захочется, кроме чая горячего.

И только я об этом подумал, как в алее показались две девушки. Причёска аля — высокий хвост, вязанные юбки, длинное цветастое пальто на каждой и аккуратная походка, чтобы не наступить лишний раз в лужу. Чем ближе они к нам, тем сильнее жмутся друг к другу.

Вышли красавицы на свет, и я их внимательно рассмотрел. Одна, рыженькая, закусила нижнюю губу и осмотрела нас сверху вниз. Другая, всем своим видом показывала равнодушие к нашей паре с Марком. Мол, парни ей сейчас неинтересны, а юбку покороче она надела, потому что ей нравится так одеваться зимой.

— Так, смотри Родин и учись, — сказал Марик и, вскочив с лавки, побежал за уходящими девчатами. — Сейчас я тебе Ален Делона покажу.

Смотрю я на этого красавца, но от французского сердцееда вообще ничего не взял блондинчик. Что-то показывает руками, жестикулирует, изображает, что он лётчик и все девчата должны перед ним лежать.

— Ну как? Пойдём с нами? — радостно спросил он, на что получил лишь фырканье и отворот-поворот.

Озадаченный и хмурый, Марик вернулся ко мне. Чтобы снова занять свой пост на газетке.

— Что скажешь? — спросил я, ожидая какую-то отмазку от Барсова.

— Не заморачивайся, — отмахнулся он. — Я на них посмотрел — вообще не наш с тобой вариант. Некрасивые...

— Походу, ты не Делон, а Луи де Фюнес, — отметил я и повёл Марика к нам в общагу.

Растерял своё обаяние наш красавец. Так может совсем неженатым остаться.

На следующий день я совершил долгий беспосадочный перелёт до каспийской столицы. Далее поезд, и вот он родной город.

В этот январский день он был по-настоящему зимним. Большие сугробы, едва очищенные тротуары и огромное количество детей на замёрзшем льду.

Ребятня выбирала для своих хоккейных баталий лужу побольше. Некоторые подражали Харламову, Михайлову и Петрову, а другие предпочитали обыкновенные салазки.

Это приспособление я ещё застал в своём детстве. Деревянная платформа с прибитыми коньками и подложенной небольшой подушкой или свёрнутым маленьким одеяльцем, чтобы сидеть на коленках. К этому транспорту ещё идут в комплекте два больших металлических прута-палки с заострёнными концами. Словно на лыжах ты отталкиваешься и кружишься на льду таким образом. Проводить так можно целый день, пока тебя домой не загонят. Мне везло — у меня не было того, кто прерывал мои катания на салазках.

Реакция бабушки на мой приезд была ожидаемой. Распереживалась она, что не смогла должным образом подготовиться.

— Ну что ж ты весточку не прислал? Я бы хоть приготовила что-нибудь поесть, — расстроилась баб Надя, выставляя передо мной сковородку с жареной картошкой и маринованным лучком.

— Бабуль, ну и этого хватит. Не есть же сюда приехал, — улыбнулся я, взяв немного салатика из свежей морковки.

Помимо этих блюд, бабушка ограничилась консервами, соленьями разных овощей и ещё несколькими блюдами. Вот так не подготовилась к моему приезду бабуля. Не представляю, что было бы на столе, если б она знала о моём приезде.

Бабушка молча смотрела на меня, периодически утираясь белым фартуком.

А я решил, что как поем, схожу к деду на могилу.

— Зачем в первый день? Отдохни и выспись. На войне, поди и спать не всегда получалось, — сказала бабушка и рванула к зазвонившему телефону.

Из коридора послышался радостный голос.

— Костенька, здесь он! Как знал, что и ты будешь тут. Сейчас позову к телефону, — сказала бабуля и крикнула мне, чтобы я подошёл к аппарату.

Взяв трубку, я услышал голос Бардина. Приятно, что один из моих близких друзей здесь, и мы можем пообщаться.

— Да, конечно. Только мне кое-куда сходить нужно будет, а потом пересечёмся, — ответил мне Костя.

— Родителям помогать будешь?

— Зачем? На собеседование пойду в гарнизон. Отец обещал провести меня, чтобы я пообщался о дальнейшей службе, — чувствовал я, как улыбается мой друг.

— Здорово, — сказал я, но у самого было не меньшее желание оказаться на его месте.

— Ну а ты тоже не расслабляйся. Со мной пойдёшь? — спросил Костян. — Отец и насчёт тебя договорится.

— Шутишь? Новый год прошёл, слишком уже поздно для подарков.

— Ты главное — с мыслями соберись. Там мужики серьёзные. Могут и вопросы из аэродинамики задать.

— Может, тогда не надо — не подготовившись? Сам лучше сходи.

— Отставить разговоры. Завтра идём с тобой в школу испытателей.

Глава 5

Утром я заранее подошёл к дому Бардиных, в ожидании их выхода. Командирский УАЗик уже стоял у входа, пуская белые клубы выхлопных газов. Мороз был сегодня очень суровым. Минус 30 на термометре при небольшом ветре превращались в адскую пытку. Но ради возможности пообщаться с элитой ВВС и попробовать убедить их в своей пригодности к поступлению, можно и потерпеть.

После пары минут ожидания и ощущения обморожения кончиков пальцев на ногах, я решил, что подождать можно и в подъезде. Открыв дверь, я тут же столкнулся с отцом Кости.

Одет Георгий Харитонович был в кожаные лётные штаны и тёмно-синюю ДСку. Среднего роста, плотное телосложение, фуражка, надетая с правым креном и суровый командирский прищур — очень брутально выглядел командир смешанного авиационного полка.

— Доброе утро, Георгий Харитонович! — громко поздоровался я, и старший Бардин слегка скривился.

— Здорово, Сергей, — пожал он мне руку. — Не кричи, а то вчера праздник был, — сказал командир, у которого явно болела голова.

Сзади шёл Костян и он тут же бросил обниматься ко мне. За год, мой однокашник совсем не изменился. Зато, в отличие от меня, он был одет в парадную шинель и явно шёл предметно разговаривать о своём будущем.

— Эм... не подскажите какой? — спросил я, при этом перебирая в голове все известные авиационные праздники.

Вспомнил только про 22 января — день авиации ПВО, но этого праздника в Союзе ещё не было.

— Ой, было бы что пригубить, а праздник всегда найдётся, — сказал Георгий Харитонович, когда я приобнялся по-дружески с его сыном. — День службы авиационного вооружения,

кажется, был. Давайте в машину, а то сегодня прохладно на улице.

Присев на заднее сиденье, УАЗик рванул с места по заснеженной дороге. Городок уже просыпался несмотря на непроглядную темень. Дети шли в школу, а толпы военных и гражданских устремлялись к автобусам, увозящим их через несколько КПП к местам службы.

Пропускной режим весьма серьёзный. Не делают скидку даже на командира одной из частей, коим является Георгий Харитонович. Нас с Костей попросили только показать удостоверение личности.

— А ты чего не по форме? — шепнул мне Бардин. — Встречают по одежке, не помнишь разве?

— Да откуда у меня форма? В отпуск только вчера приехал. Твой звонок был, как снег на голову, — ответил я.

— Вот-вот! Снега в этом году море, — кивал на переднем сиденье Георгий Харитонович. — Как вообще служба, Сергей?

— Всё хорошо. В отпуск выбрался наконец-то.

— Отпуск — это здорово, — сказал Бардин-старший. — Я слышал, что «за речкой» был. На какой базе?

— Баграм и Шинданд. Одну посадку даже в Кандагаре сделал, — сказал я, вспомнив недавний вынужденный заход на этот аэродром.

— Солидно. Получается, в самый разгар попал? — повернулся ко мне Георгий Харитонович.

— Не скрою — повоевать пришлось, — ответил я.

— Ничего. На наш век ещё хватит мясорубок, — сказал полковник, открыв дверь УАЗика, когда мы подъехали на центральное КПП. — Сейчас. Звонок сделаю один.

Командир полка пошёл в здание, а я разглядывал главные ворота Испытательного центра ВВС. На створках эмблемы центра и большой плакат с официальным названием этого уникального гарнизона. При въезде на территорию гарнизона пока ещё пусто. Во Владимирске значительно позже станет модно ставить памятники на разную тематику. В основном все они так или иначе будут связаны с авиацией. В моё время здесь стоял ракетоносец Ту-16.

— Так, мальчики, отсюда пойдёте пешком, — сказал Георгий Харитонович. — Рано вам ещё разъезжать на моём УАЗике, поняли?

— Ага, — вместе сказали я и Костя и стали выбираться из кабины.

— Сергей, на секунду, — позвал меня Бардин-старший

— Слушаю, — быстро подошёл я к передней двери с пассажирской стороны.

— Костя покажет тебе, куда идти. Сразу скажу, в деле поступления в школу испытателей кумовство роли не играет. Разговаривай, просись, но не думай, что они легко согласятся тебя взять, понял? — сказал Георгий Харитонович, пожал мне руку и уехал в другую сторону.

На КПШ про нас уже знали и спокойно пропустили. Теперь предстояло дойти до здания школы.

По пути встречалось множество строений, начиная от многоэтажных казарм и заканчивая клубом с буфетом на первом этаже.

— О, космонавт! — указал на памятник Костя.

Перед клубом стоял МиГ-21, а рядом под высокой елью скульптура лётчика в высотном костюме с гермошлемом в руке.

— Неа. Это простой лётчик «весёлого», — улыбнулся я, перепрыгивая сугроб.

— Что ещё за «весёлый»? — удивился Костян.

Пришлось ему вкратце рассказать некоторую Афганскую терминологию. Видимо, в Венгрии в Южной группе войск такими понятиями не оперируют.

— Кстати, а ты чего в такой форме? Как будто представляться пришёл, — спросил я, когда мы проходили здание, с которого шёл приятный запах печёных булочек и пирожков.

В окне можно было увидеть, как в этом здании всё чисто и белоснежно. За столами сидят лётчики в опрятных комбинезонах и спокойно завтракают. На столах шоколад, варенье и красивая сервировка. Однозначно это та самая реактивная столовая.

— Как тебе сказать. Я решил быть ближе к возможности поступить в школу испытателей. Отец сказал, что опыта у меня мало, но здесь я буду на виду и освою ещё один тип истребителя.

— Какого истребителя? Здесь же только смешанный полк, а истребители принадлежат испытательному центру? — удивился я.

— Ты чего, Серый? Полков здесь два. Один смешанный исследовательский — транспортники и вертолёты. Это где мой отец командует, — начал рассказывать Костян и чуть не хлопнулся на задницу, поскользнувшись на льду.

Как раз мы проходили мимо здания, где размещается пожарная команда. Несколько боксов с пожарной техникой, которой здесь больше, чем во всём городе. Работники в боёвках и с брандспойтами решили машину помыть. Естественно, попутно организовали каток прямо на

площадке перед боксом.

— Кто ж так делает? — крикнул Костян, но невысокого роста пожарный только пожал плечами.

— Не отвлекайся, — сказал я Костяну. — Второй, что за полк?

— Второй тоже исследовательский, только отдельный полк истребителей - бомбардировщиков, — сказал Костян, поправляя белое кашне.

Ого! Что-то новенькое в структуре Владимирского гарнизона. Никогда не думал, что здесь тоже есть такие формирования. Как только Костян мне это рассказал, тут же воздух разорвал гул взлетающего истребителя.

Солнце только показалось из-за горизонта, едва осветив заснеженную степь лётного поля, а МиГ-25 уже взмыл в воздух, лишая сна всю округу.

— Разведка погоды пошла, — сказал я, переступая железнодорожные пути.

Не перестаю удивляться разнообразием строений и коммуникаций в этом гарнизоне. Посмотрев по сторонам, я заметил целых два склада ГСМ с топливными резервуарами. Куда столько?

Мы вышли на очищенную от снега дорожку, которая вела к зданию штаба смешанных полков. Как объяснил Бардин, они тут делят одно здание на двоих. Истребители на втором этаже, а транспортники на первом.

— Здесь их так и прозвали — «верхний» и «нижний» полки, — улыбнулся Костян. — Мне сюда, а тебе вон в то здание, — показал он мне на следующее строение вдоль дороги.

— И это школа испытателей? — спросил я, рассматривая покосившееся здание, которое явно требовало побелки или покраски.

— А ты думал, что будет как в Белогорске? Колонны, фасад и огромное название с орденом Ленина над входом? — усмехнулся Костя. — Заходи потом сюда, как пообщаешься.

— А с кем вообще разговаривать? — спросил я.

— Иди сразу к начальнику. Не ошибёшься.

А чего не к главкому сразу? Такие простые эти Бардины! Будто мне тут все рады. Может, кто-нибудь и вспомнит Родина-старшего, который тут служил, но добрым ли словом?

Перед входом в здание школы лётчиков-испытателей стоял высокий столб с прибитыми табличками. Каждая указывает в направлении какого-то аэродрома. Видимо, так увековечивают память своих частей слушатели этой школы.

— Во, до Белогорска 620 километров, — вслух сказал я, заметив табличку с названием города своей альма-матер.

На крыльце курили капитан и майор, обсуждавшие что-то авиационное.

— Надо посмотреть, насколько возможно отработать этот режим. Я не уверен в расчётах инженера, — сказал майор, задумчиво смотря себе под ноги.

— Я высчитал, что на закритических углах опасности не будет. Правда, надо посмотреть, какая будет подвеска, вариант заправки и режим работы двигателя...

Вот она, работа испытателя! Всё до мельчайших деталей необходимо знать и проверить. Ведь после них, самолёт уйдёт в войска. И уже по его рекомендациям будет летать строевой лётчик, изучающий руководство по лётной эксплуатации данного типа воздушного судна.

— Мужики, а как мне начальника найти? — спросил я.

— Тебе начальник школы нужен? — уточнил у меня майор, не поднимая на меня глаз. — Батя на первом этаже. В тренажёрке должен быть.

Войдя в здание, я не обнаружил на проходной дежурного. Разрывался телефон, но к нему никто не спешил.

— Сколько раз говорил, если уходите, то телефон отключайте. На нервы действует, — возмутился подполковник, спустившийся по лестнице со второго этажа.

Форма на нём была повседневная, а значок классности нелётный. В этой школе, судя по всему, он преподаватель какой-нибудь инженерной дисциплины.

— Вам кого, молодой человек? — спокойно спросил подполковник.

— Я к начальнику. Он в тренажёрке?

— Наверное. Иди, поищи, — махнул он мне и пошёл дальше по своим делам со стопкой бумаг.

Как-то здесь всё просто. Заходи, спрашивай, общайся. Будто не в армии.

Пройдя по коридору, я обратил внимание на большое количество фотографий известных людей, которые имеют отношение к работе испытателя. Есть тут и знакомые мне лица, такие как Василий Котлов, который был у меня на присяге, а затем и беседовал со мной, в кабинете командира учебного полка Доброва.

Только сейчас поймал себя на мысли, что я почему-то знаю, где находится тренажёрный зал. Может, маленький Родин здесь уже был, во времена, когда его отец служил в Испытательном центре?

Открыв дверь, я увидел пару человек, висящих на турниках и качающих пресс. Не качки, но выглядят подтянуто и достаточно стройно.

— Вы к кому? — спросил парень с растрёпанными тёмными волосами, с трудом удерживающий уголок на турнике.

— Мне начальника бы школы найти, — сказал я, и в этот момент ноги парню пришлось опустить.

— Ох! — пытался отдышаться парень, сложившись пополам. — Батя к себе пошёл, а тебе что нужно? Может, помогу чем-то?

— Да вот на собеседование к нему хочу сходить, — сказал я.

— Эт здорово! Какое училище заканчивал? — спросил у меня второй, тоже спрыгнувший с турника.

— Белогорское, 1980 год, — ответил я, и второй сильно закашлял и начал смеяться. — А что смешного?

— Ничего! Иваныч, чего он сюда припёрся? — продолжал он ржать и тыкать в меня пальцем.

— Во-первых, я пришёл, уважаемый. Во-вторых, пальчиком попрошу не тыкать, словно я экспонат, — сказал я, начиная немного злиться на этого задавалу.

— Характерный! Ну, ты сходи, посмотрим, что тебе батя скажет. Рановато тебе ещё... — начал говорить он, но темноволосый толкнул его в плечо.

— Уймись! Себя вспомни. С какого раза тебя взяли? С третьего? — спросил Иванович и подошёл ко мне.

Второй спортсмен замолк и ушёл в соседнюю комнату.

— Не обижайся. Парень он неплохой, только слишком задиристый, — сказал темноволосый.
— Как зовут тебя?

— Сергей Родин.

— Валера Токаев, очень приятно!

И опять Валерий! Везёт мне на людей с таким именем. Но этот парень в будущем должен стать довольно известным человеком.

— Что посоветуешь, Валер? — спросил я.

— А ничего. Как будет, так будет. Это собеседование никак не повлияет на дальнейшую

твою судьбу. Вот когда приедешь поступать, здесь уже и покажешь, что ты можешь, — сказал Токаев.

— То есть, можно и не идти разговаривать?

— Нужно. Это важно для тебя. Ты должен понять, в чём заключается специфика работы испытателя. Батя тебе об этом расскажет. И там уже объяснит, что делать дальше, — похлопал он меня по плечу и объяснил, где находится кабинет начальника школы.

Попрощавшись с Токаевым, я ещё на секунду посмотрел на него и закрыл дверь в тренажёрный зал.

Валерий Токаев — будущий лётчик-испытатель и космонавт. Участник программы «Буран». Насколько помню, он будет служить в Крыму, в испытательном управлении морской авиации и будет одним из тех, кто откажется принимать присягу другому государству после распада СССР. Затем будут несколько лет подготовки к космическим полётам. Всего он совершит два полёта и, даже будет выходить в открытый космос.

В 2000 году будет удостоен звания Героя Российской Федерации.

Добравшись до кабинета начальника, я выждал паузу, собираясь с мыслями. Волнение такое присутствует, будто я сейчас захожу на важный экзамен.

— Разрешите? — заглянул я внутрь и обнаружил сидящего за рабочим столом полковника.

С большими залысинами и седыми висками, добрым выражением лица, будто передо мной отец, дающий хороший совет на будущее. Не зря этого полковника называют здесь «Батя».

— Да, что у вас? — спросил он, жестом приглашая меня войти.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Родин. Хотелось бы с вами...

— Ё-моё! — удивлённо посмотрел на меня полковник. — Вылитый Серёга. Какими судьбами к нам, сынок? — встал со своего места начальник школы и быстро заспешил ко мне.

— Эм... пообщаться о поступлении, — прямо сказал я, не собираясь откладывать решение этого вопроса.

Полковник крепко пожал мне руку и пригласил сесть.

— Юра! Саня! Зайдите ко мне! — крикнул в коридор полковник и сел на своё место, отложив в сторону все документы. — Неожиданно, — улыбнулся он.

А как я в шоке! Думал, сейчас будут жёстко спрашивать, попросят схемы сил нарисовать, уравнения движения вывести. Но пока всё очень приятно.

— Мне Харитоныч Бардин сказал, что придёт старший лейтенант Родин. Я подумал, что однофамилец, но хорошо, что ошибся. Полковник Брилёв Валентин Иванович, начальник этой школы.

— Сергей Сергеевич Родин, старший лейтенант, лётчик-истребитель 236го полка Осмон, Туркестанский военный округ, — в ответ представился я.

Сняв куртку и повесив её на вешалку, как мне предложил сделать Брилёв, я снова сел напротив него. В этот момент в кабинет вошли ещё двое. Мне их представили как зама по лётной подготовке, подполковника Зучкова и зама по инженерно-авиационной службе Солчанова.

— Итак, Сергей Сергеевич, для начала скажу, что мы трое знали вашего отца, — сказал Брилёв. — Знаем, что за вас поручился полковник Бардин. А также, нам доподлинно известно ваше желание поступить в школу испытателей. Всё верно?

— Так точно, товарищ полковник, — кивнул я.

Пока всё идёт неплохо. «Вопросы» несложные. Это явно легче, чем стоять и расписывать кривые Жуковского.

— Тогда, если мои коллеги не против, мы можем приступить к собеседованию.

— Расскажите о себе. Что закончили? Где служите? — спросил Зучков.

Рассказ об Осмоне и командировке в Афганистан затянулся на несколько минут, но присутствующие слушали внимательно. Зучков даже помечал себе что-то в тетради.

— Ещё раз, какие модификации МиГ-21 у вас были? — поинтересовался Солчанов.

— УМ, СМ и бис соответственно. В училище был МФ. Самолёт Л-29 на первых двух курсах, — ответил я.

Пару вопросов задали про МиГ-29. Переучивался я на него или нет, что могу о нём рассказать и как его оцениваю.

— Почему именно в испытатели решил? В Осмоне формируется отличный Центр боевого применения. По службе, если взять во внимание твои награды и заслуги на войне, пойдёшь быстро, — спросил Брилёв.

— Должность, положение — это всё не так важно, — сказал я. — Наследие — вот о чём я думаю, когда говорю о желании поступить в школу. Здесь ты на острие боевой авиации, всегда в авангарде. А главное — можешь оставить свой след в истории авиации. Предложить то, чего ещё не делали. Что-то новое, что-то своё. А в полку всё по инструкции. Там ежедневная, рутинная работа.

— А здесь, думаешь, не так? — улыбнулся Зучков.

— И здесь так. Только здесь ты ещё и первопроходец. Ты учишь летать самолёты, а не они тебя, — ответил я.

Брилев задумался, инженер смотрел на меня с удивлением, а Зучков чесал затылок. Что-то сейчас решают они в своих головах.

Валентин Иванович посмотрел на своих подчинённых, но ни один из них и бровью не повёл. Не намекнул хоть на какое-то решение.

— Сергей, я тебя выслушал и хочу кое-что тебе сказать, — произнёс Брилёв.

Я наострил уши, готовясь только услышать слово «да». Другого сейчас я не жду. Просто, как можно меня не одобрить к поступлению? Только, если начальники решили не отступать от критериев отбора.

— Чуть не забыл, а вы не курите? — спросил Брилёв.

— Нет, — с удивлением ответил я.

— Это вам в плюс. Теперь к насущному. Какой у вас налёт на реактивных самолётах, исключая полёты в училище? — продолжил выяснять Валентин Иванович.

— Порядка 400 часов.

— Хорошо. Второй тип истребителя вы ещё не освоили, но недавно сдали на второй класс?

— Так точно.

— Вот мой вам вердикт — рано, Сергей Сергеевич, — твёрдо сказал Брилёв. — Рано вам поступать в школу.

Глава 6

Я не удивился заключению вынесенному Брилёвым. Да и пришёл я в школу испытателей спонтанно. Сейчас не о поступлении речь, а о том, что мне для него необходимо.

— Можно узнать, почему? — спросил я.

— Конечно. Даже нужно узнать, — сказал Брилёв и подошёл к столу, где разместились модели различных самолётов.

Здесь были и поршневые, и реактивные, и винтокрылые машины. Даже проект одного из авианесущих крейсеров с размещёнными на взлётной палубе модельками Як-38.

— Для того чтобы попасть сюда, одной с нами беседы мало. Тем более, мы общаемся сейчас неофициально и, как видишь, никаких на тебя документов не завели, — сказал подполковник Солчанов.

— Да, заметил, — сказал я, только сейчас поняв, что действительно никаких официальных бумаг мы не заполняли здесь.

— Боевые награды, потенциал, знания — это всё хорошо. Можно сказать, прекрасно. Это всё мы учтём, когда будем официально включать тебя в список кандидатов, — сказал Зучков.

— Почему нельзя сейчас? Чего именно мне не хватает?

— Есть кое-что. В работе испытателя необходимо больше всего. Внимательно меня послушай и запомни, — сказал Батя, посмотрев на меня своими добрыми серо-голубыми глазами.

— Слушаю, товарищ полковник, — приготовился я к важной информации.

— Твой полёт начинается на земле. С момента получения испытательного задания от инженера. Каждое значение, точка или запятая важны. И ты должен найти в них изъян.

— Я это понимаю, — со всей уверенностью сказал я.

— Очень хорошо должен понимать, — поднял вверх указательный палец Брилёв. — В момент проработки всплывают все «за» и «против» тех этапов полёта и режимов, так чётко и ладно прописанных инженером. Соглашаясь на полёт, ты — лётчик-испытатель, берёшь на себя всё. В том числе ответственность за надёжность той машины, за которой стоит будущее Советской авиации.

— А братя приходится многое, — вступил в разговор подполковник Зучков. — И величина этой ответственности ещё и в том, что ты принимаешь решение — лететь или не лететь. Сможешь или не сможешь выполнить главную задачу из трёх компонентов — взлететь, отработать заданные параметры, которые до тебя никто ещё не отработывал, и обязательно посадить машину.

— И вот здесь, важно то качество, которое пока тебе не присуще, — тяжело вздохнув, сказал подполковник Солчанов.

— Опыт? — спросил я, хотя вопрос был риторический.

— Профессиональная интуиция, рождённая многолетним опытом, — поправил меня Брилёв и по-отечески похлопал по плечу.

— Понятно, — смиренно сказал я.

С опытными людьми в испытательном деле следует согласиться. Мой многолетний опыт не распространяется на лётное дело. Если в большинстве жизненных ситуациях я могу действовать по наитию, то в полёте пока такого у меня нет. Своего опыта я только ещё набираюсь. Пускай и быстро.

— Но и даже это не гарантирует тебе успех, — сказал Батя, вернувшись на своё место. —

Всё предусмотреть невозможно. На то она и испытательная работа, — улыбнулся он. — Прекрасное занятие, в котором всегда есть место неизведанному.

— Я это запомню, Валентин Иванович, — улыбнулся в ответ я.

— Хорошо. Теперь о главном. Ты у нас на карандаше, — сказал Брилёв, и Зучков поднял красно-синий карандаш.

— Понял, — кивнул я.

— В Осмоне будет несколько типов летательных аппаратов. Освоишь ещё один, наберёшь необходимый налёт для поступления, и тогда мы с тобой встретимся за партой в классе прямо по коридору, по левой стороне, — проговорил Брилёв, кивая головой.

— Я всё понял, товарищ полковник.

— Теперь иди и работай. До встречи! — улыбнулся Брилёв и я, попрощавшись со всей троицей, вышел из кабинета.

На морозе мысли немного пришли в порядок. Теперь появилась некая промежуточная цель, за которой откроется прямая дорога к поступлению в школу. И как я понял, для этого мне нет смысла уезжать из Осмона. Надо работать именно там и повышать свой уровень.

Гарнизон покинули с Костей мы не сразу. Он ещё долго сдавал документы, беседовал с какими-то знакомыми и расспрашивал об особенностях службы в «верхнем» полку.

— Значит, ты всё же решил воспользоваться своим пролетарским происхождением? — спросил я, когда мы шли по длинной дороге от главного КПП к городку.

— Я думал, что самому как-то получится прорваться. Сейчас там налетаю быстренько и через три-четыре года пойду в школу испытателей. Не всё так просто оказалось.

— Могут не отпустить? — спросил я, ускоряя шаг, поскольку сильный ветер дул в лицо, почти отбрасывая меня и Костяна назад.

— Ещё как! Даже в Афган теперь не поедешь, если сверху не придёт разнарядка. Людей не хватает катастрофически. Меня уже хотят на командира звена переводить, поскольку большой провал в части пополнения был в предыдущие годы.

Оказывается, проблема с самой возможностью уехать поступать действительно присутствовала.

— Мой отец, к тому же, уточнил у Брилёва, что из Венгрии проблематично перевестись. Чуть ли не на Министра обороны нужно выходить, — громко сказал Костя, перекрикивая порыв ветра.

Проходили мимо строящегося небольшого микрорайона. Параллельно дороге выросли

частные гостиницы представительств авиационной промышленности.

— Маповские гостиницы всё растут, верно? — указал мне на строящееся двухэтажное здание.

— Здесь и домов скоро будет не меньше, — ответил я, вспоминая, как этот район скоро застроится несколькими девятиэтажками.

В десятые годы тут ещё пристроят несколько домов, и микрорайон уже не будет называться «Степь».

— Ага, быстрее бы. Не хочется мне в общежитии «Волга» жить, — улыбнулся Костян, напомнив мне про общежитие в черте города.

— С родителями, значит, не хочешь? — посмеялся я.

— Конечно! Никакой личной жизни. Каждое утро будет инструктаж по мерам безопасности и предварительная подготовка под чай с бутербродами. Вечером — разбор полётов, — махнул рукой Бардин.

— Так, ты в столовой завтракай, — предложил я ему.

— Это вставать слишком рано нужно. Меня никто возить на службу не будет. Всего сам буду добиваться, — сказал Костян. — У тебя планы какие?

— К деду сходить надо. Дома побуду, пройдуся, книжку почитаю...

— Блин, Родин, ты чего такой скучный? Первый офицерский отпуск у тебя, с войны вернулся, орденов полная грудь! — остановил меня Костя у железнодорожного переезда, который отделял жилой городок от военных объектов.

— И что? Кураж-бомбей предлагаешь провести? — с удивлением спросил я.

— Почему бы и нет? Сто процентов, ты уже давно не отдыхал на всю катушку.

— Желания особого нет. И настроения.

— Тебе же сказали, что пока рано. Это не значит, что совсем отказали. Ну не могут они взять старлея, который многим майорам утрёт нос в полёте. Это нарушает их методику отбора, — улыбнулся Бардин.

— Ты думаешь, я этого не понимаю. Не хочу и всё, — ответил я и перешёл переезд.

С другой стороны, отдохнуть-то хочется. Почему бы с другом-однокашником не посидеть и не пообщаться? В прошлый раз всё закончилось у нас довольно прилично, хоть и не без эксцессов.

— Ты точно в этом уверен? — догнал меня Костя, ехидно улыбаясь.

— Ладно. Уговорил.

— Ай, спасибо, дорогой! — воскликнул Костян и кинулся меня обнимать. — Я уже с отцом насчёт «Москвича» договорился. Будет культурная программа.

Эта бешеная табуретка ещё ездит? В прошлый раз мы немного ей бампер повредили. Тогда этот элемент советской роскоши на колёсах должен был помочь Бардину совратить Галю Капустину, но не срослось. Какая в этот раз причина, мне неизвестно.

— Всё-всё! — сказал я, отпихивая от себя Костю. — До вечера.

Дел было ещё много. Первоочередным был поход на кладбище, которое находилось как раз за железнодорожными путями. За последние годы оно, выросло.

— Ну, здорово, дед, — сказал я вслух, найдя могилу Владимира Петровича.

Находилась она рядом с могилами родителей моего реципиента — Сергея Родина -старшего и Валентины Родиной.

Памятник у деда был выполнен, как и положено с нанесением его фронтовых наград. На меня с фотографии смотрели его суровые, но такие родные глаза для моего реципиента.

В прошлой жизни не сберёг я единственного родного человека, дядю Жору. И в этой тоже самое. Рано ушёл дед, так и не дождавшись меня с войны.

Постояв с десяток минут и сказав какие-то общие для себя слова, я обратил внимание на «новое кладбище». Оно начало образовываться чуть дальше.

Пройдя по свежевыложенным из щебня дорожкам, я всматривался в лица погибших в Афганистане. Насчитал я порядка двадцати человек на этой небольшой аллее. Могилы аккуратные, оградки покрашены, памятник стоит у каждого и надпись «Погиб при исполнении интернационального долга в Афганистане». У каждого красуется изображение награды, вручённой ему посмертно. Рядом с одной из могил, я встретил знакомую мне женщину. За прошедшие годы она изменилась. Можно сказать — сдала сильно. От её сурового взгляда ничего не осталось.

В тёмном одеянии, рядом с двойной могилой, стояла печальная, похудевшая и осунувшаяся Вилора Брониславовна. Сразу я не вспомнил, кто она такая. Но память реципиента, видимо, во Владимирске начинает работать с удвоенной силой. Это та самая завуч из школы.

— Добрый день! — поздоровался я, подойдя ближе к Брониславовне.

— Ой! Родин! Живой, — взяла меня за руки завуч, слегка улыбнувшись. — Прости, что так сразу. Я просто за всех наших мальчишек переживаю. Сейчас тем более.

— Ничего, — сказал я и посмотрел на два памятника, рядом с которыми стояла Вилора Брониславовна.

Судя по именам, это муж и сын нашего завуча. Оба погибли при исполнении служебного долга.

— Вот видишь, Сергей. Сын сначала погиб в декабре 1979 года. Транспортный Ил разбился в аэропорту Кабула, а он был в составе экипажа, — вздохнула женщина, подойдя к памятнику и смахнув снег с фотографии сына.

— Соболезную.

— Спасибо. А вот и муж, — указала она на другой памятник, где не было надписи про Афганистан. — Умер от последствий командировки для выполнения так нужного нам всем интернационального долга через полтора года после сына. Не вылечили.

— Не знаю, что вам сказать. Я видел, как там многие болели и гепатитом, и брюшным тифом, — начал рассказывать я о болезнях «за речкой».

— Тебя пронесло, Сергей?

— Да.

— Это хорошо. Моего супруга болезнь и в Африке достала, — объяснила Вилора Брониславовна и рассказала, что её муж долгое время был в Анголе.

Жаль её. А сколько таких, как она, не дождалось своих сыновей и мужей? Пускай и не окрасилась страна в траурные чёрные платки, но потерь в Афганистане не удалось избежать.

— Сергей, вы идите. Мне хочется одной побыть.

— Да, конечно. До свидания, Вилора Брониславовна.

— Ты хоть женат? Дети есть? — остановила она меня.

— Ни того, ни другого. Холостой я.

— Понятно. Пора бы уже вам и на земле немного пожить. Наверняка я не первый человек, который вам об этом говорит.

Чем-то этот разговор мне напомнил общение с вдовой Томина. Печальные слова от понёсшей тяжёлую утрату женщины, но правильные. Где бы найти только ту, с кем можно пожить на земле? Вторую Женю ещё не придумали.

Проведя остаток дня с бабушкой, я начал готовиться к вечерней прогулке с Костяном.

— Серёжа, главное тепло одевайся, — начала инструктировать меня бабушка, когда я

надевал водолазку с высоким горлом.

— Баб Надь, я знаю. Мы на машине с Бардиным. В ней печка работает, — ответил я и полез за флаконом одеколона «Зевс».

— Лучше бы носки потолще бы одел, — продолжала наставлять меня бабуля.

— Всё хорошо, баб Надь, — ответил я, орошая себя ароматом, который прямо говорил, что я мужик.

Смесь каких-то сильных цветочных запахов был в этом одеколоне. Но мне понравился. Сегодня прикупил себе в «Универмаге», где был директором Капустин-старший.

Как только я закончил с приготовлениями и услышал автомобильный сигнал снизу, то сразу пошёл обуваться.

— А ты чего без кальсонов? Мороз такой, Серёжа. Девчат, как ублажать будешь? — расстроено спрашивала бабушка.

— Я прилично оделся, воспользовался хорошим одеколоном, побрился. Готов покорять девичьи сердца, — улыбнулся я и поцеловал бабушку в щёчку.

— Главное, чтобы было, чем после свадьбы покорить во время брачной ночи. А то я так правнуков не дождусь, — зацокала языком бабуля.

— Ой, баб Надь! — посмеялся я и выскочил за дверь.

Морковный «Москвич» был разогрет. Из приёмника играла композиция «Землян» про каскадёров.

— Ты как, Серый? Ох, и аромат от тебя! — передёрнулся в водительском кресле Костян, который пах «Шипром».

— «Зевс». Излучаю уверенность в своих силах, — посмеялся я. — Поехали, куда там ты хотел.

— Есть! — весело крикнул Костян, переключил передачу и... снова рванул назад, вместо движения вперёд.

Глухой удар и «Москвич» влетел в плотный сугроб.

— Ты когда-нибудь научишься ездить? — спросил я, выйдя из машины и посмотрев на отвалившийся бампер.

В сугробе была закопана лавочка, которая оказалась прочнее, чем элемент конструкции советского автомобиля.

— Ладно. Теперь у меня хоть деньги есть, чтоб починить, — сказал Костян, закидывая бампер в багажник. — Может, как обычно, около подъезда в машине посидим?

— А кто-то обещал культурную программу, — покачал я головой, иронично улыбаясь. — Поехали к твоему дому.

И вот снова девятиэтажка Бардиных. У нас хороший коньяк и много закуски. В добавление к бутылке марочного напитка «Абхазия», приобрели ещё и грузинский «ОС».

— Слушай, мы бы спокойно могли пойти в ресторан, — сказал я, нащупав в кармане несколько купюр советских денег. — Офицер может себе позволить.

— Знаю. Просто хочу здесь посидеть, — ответил Костян, всматриваясь вдаль в ночи.

Что-то темнит мой товарищ. Не просто так мы здесь.

Время шло. Мороз на улице крепчал, а коньяка в бутылке становилось всё меньше. Разговоры, конечно, были о службе, авиации и войне. Бардин взахлёб слушал мои рассказы об операциях и то, как мы боролись с иранскими Ф-14 и пакистанскими Ф-16.

— Серый, это же круто! Настоящий воздушный бой. Вот так вот рядом с противником. Буквально чувствуешь его дыхание на хвосте. Очень круто! — восхищался Костян.

— Поверь, в тот момент мне было ой как не по себе! — улыбнулся я. — Сирена визжит и буквально оглушает тебя. В воздухе извиваешься как уж на сковородке. Внизу идёт бой, и уже не думаешь, что по тебе может отработать ПЗРК.

— Наверное, и о параметрах полёта с объективным контролем не вспоминал? — спросил Костян.

— Совершенно верно. Лишь бы выжить и по своим не отработать, — сказал я и поведал ему о подвиге нашего командующего.

Тот самый эпизод, когда проявил себя во всей красе генерал Хреков.

— Блин, во даёт ваш старикан! — восхитился он храбростью Андрея Константиновича. — Знаешь, завидую тебе. Поучаствовал ты в самом опасном конфликте за последние годы.

— Поверь, лучше воевать на учениях, — сказал я, и мы выпили ещё по одной стопке с Костей.

Бардин снова уставился перед собой.

— Ты кого-то высматриваешь? — спросил я.

— Подожди, она ещё не пришла, — отмахнулся он и тут же хлопнул себя в лоб. — Проговорился, да?

— Определённо. Ну, и кого ты тут поджидаешь? — спросил я, улыбаясь и закусывая сочным яблоком.

— Вообще-то, поджидаешь ты, — сказал Костя, и я чуть не поперхнулся. — Тихо! Не надо так реагировать, — проговорил Костя, похлопав меня по спине.

— Да я и не собирался. Ты думаешь, я сам себе девушку найти не могу? Ха... да за мной очередь в Афганистане выстраивалась! Что за сватовство ты мне наметил сейчас? — спросил я откашливаясь.

— Девчонка в моём подъезде. Верой зовут. Я её постоянно отпрашивал гулять у отца. Вот хочу вас познакомить, — улыбнулся Бардин, разливая по рюмкам коньяк.

Смутно помню я эту девочку. В голове пока не сложился её образ. И желания прямо сейчас завязывать романтические отношения нет.

— Не та ли случайно, у которой папа — генерал? — спросил я. — Совсем моей смерти хочешь? Или думаешь, что я по расчёту соберусь жениться на ней?

— По расчёту не получится, — сказал Костян и залпом выпил рюмку, занюхав шоколадкой. — Отец у неё умер два года назад. Мать в гарнизоне служит ещё.

— Мда, — сказал я и выпил свою рюмку. — И почему ты решил сыграть роль сводника?

— Девчонка она хорошая. Как отца не стало, замкнулась в себе. Мне писала, жаловалась на свою компашку, что они разгильдяи и не всегда пристойно себя ведут. Ну не бить же их!

— Может и надо, — ответил я, смотря в окно.

К подъезду, закутавшись в серое зимнее пальто, шла девушка. На голове аккуратная светлая шапка аля-Надя из «Иронии Судьбы», а на ногах кожаные коричневые сапоги. Лицо печальное, хотя на таком морозе вряд ли будешь весёлым.

— Давай, Серый. Познакомься, — подталкивал меня Костян.

Смотрел я на это хрупкое и прелестное создание. Идти или не идти? Словно монолог Гамлета читаю на современный лад. Я потянулся к ручке двери, чтобы открыть её.

А девушка симпатичная. Да что уж там — красивая. Только, что-то меня останавливает. Не пойду же я к ней и сразу буду просить руку и остальные части тела у её мамы?

— Давай в другой раз, — сказал я и убрал руку от двери. — На трезвую голову лучше такие вопросы решать.

— Шарик — ты балбес. Не будет у тебя другого шанса. Так и погрёшь холостяком, — махнул Костян и отвернулся от меня.

Из соседнего подъезда вышла небольшая компания парней в меховых шапках очень неприглядного вида. Один из них подбежал к Вере и, подхватив на руки, закружил её. Не очень это понравилось девушке, но вырваться из объятий грубияна у неё не получилось. Парниша схватил Верочку за голову и сорвал шапку. Кажется, из машины всё же предстоит выйти.

— Ладно, пошли, — тихо сказал я и открыл дверь.

— Вот только не надо мне делать одолжение! — громко сказал Костя. — Ещё друг называется.

— Бардин, жопу оторвал от кресла, — толкнул я его в плечо. — И соберись! Верку — соседку твою, надо выручать.

Глава 7

Костян очень тяжело выбирался из машины. Когда я уже закрывал дверь, он её только смог открыть.

— Я щас! Уже бегу! — высунул ноги из машины Костя.

Такими темпами, мы помощь девушке не окажем.

Странная шпана пошла в советских дворах! Уже и около дома, где целая плеяда начальников живёт, не стесняются приставать к дамам. Если только это не постанова от Костяна. Может быть, он решил нам квест с Верой устроить ради знакомства.

— Верка, ты чего ломаешься? Сколько за тобой ходить можно? — услышал я голос самого задиристого из хулиганов, когда был в нескольких метрах от подъезда.

Пьяным атаковать шпану в принципе нелогично. Делать это в паре с совершенно «нулевым» другом — опасно для жизни. Шансы явно не в нашу пользу. Тем не менее, девушку в беде бросать нельзя. Может, хоть от нашего громкого голоса разбегутся.

— Ручки убрал, мальчик, — сказал я, слегка позабыв, что на вид я сам ненамного старше этих парней.

— Ой, зачем один полез? — возмутилась Вера. — Где Костя?

— Он прикрывает со спины. Вторым эшелонem пойдёт, но я сейчас сам справлюсь, — сказал я, чуть не поскользнувшись на замёрзшей луже.

Такое ощущение, что Вера знала, что мы тут будем с Костяном. Вот только про четырёх лишних парней никто не предупредил.

— Ты откуда вылез? В норку забейся, крыса, пока хвост не прищемил тебе, — отозвался самый суровый из банды, продолжая «танцевать» Веру.

Коньяк начал во мне поигрывать, но устойчивость и управляемость я сохранял за собой. Надо теперь дождаться Костяна. Что-то опаздывает мой друг.

— Так, давай ты свалишь, а я сделаю вид... ик, — прерывался я на икание, но главную мысль до этих ребят я довёл. — Короче, идите ребята, пока есть на чём ходить.

— Ого, Верунчик! У тебя защита появилась! Окуните в снег его, а я пока один на один поговорю с дамой.

Трое парней, по комплекции напоминавшие братков из 90х, медленно двинулись на меня.

— Ладно, вы сейчас от моего друга ещё выхватите. Костян! — крикнул я, но в ответ тишина.

Троица заржала во весь голос, а Вера закрыла руками рот от ужаса. Меня самого немного покорило, что ж там произошло сзади. Повернувшись, я увидел картину «Приплыли» в исполнении художника Бардина.

Мой товарищ изо всех сил пытался вылезти из глубокого сугроба, куда он угодил под действием большой дозы алкоголя. Видимо, выйдя на улицу и вдохнув свежего морозного воздуха, у Костяна закружилась голова, и он нырнул в сугроб.

— Я... бегу! — кричал он, но так ему предстоит бежать очень долго.

— Эх, — расстроено вздохнул я, признав не самое удачное положение перед началом драки.
— Придётся самому.

Так, голова не в тумане. После выпитого коньяка мои движения будут слегка заторможены, но эти парни и вовсе тюфяки. Сомневаюсь, что они знакомы с элементарной самообороной.

Первый резко ринулся на меня. Ну, как резко — потянулся, будто за стаканом через весь стол. Плотный удар в «солнышко» и, круглолицый приземлился на колено, потеряв свою тёмную меховую ушанку.

— Придурки! Вдвоём на него, — давал «дельные» советы «главнюк» хулиганов.

— Серёга, я уже бегу! — снова пытался выполнить «взлёт» Бардин, но слишком много взял на себя алкогольной ноши мой друг. К земле его притягивает со страшной силой.

Парни рванули на меня, но мне это и надо было. Два шага назад и вот они уже «пританцовывают» на замёрзшей луже, которую не заметили в слабом свете фонаря и под слоем снега.

Одного сбил с ног подсечкой, а второго огрел прямым ударом с ноги в живот. Пируэты, выписанные в воздухе этими «фигуристами» были на загляденье. Пока все трое пытались отдышаться, я ринулся к Верочке.

— Ладно, дружище. Понял, что сегодня не наш день, — отступил он назад, и я решил не

трогать поднявшего руки хулигана.

Но Верочка имела иное мнение. Только парень сделал от неё шаг назад, она со всего маху лупанула его ногой по самому сокровенному месту. Я сам чуть не согнулся, как представил ощущения пацана.

— Отстань, я тебе сказала! Не люблю я тебя! В следующий раз вообще оторву с концами! — раскричалась Вера и продолжила пинать пытающегося хоть как-то уползти в темноту хулигана.

Его подельники тоже не рискнули оставаться во дворе и мелкими шажками, шатаясь из стороны в сторону, исчезли.

— А чего сразу не ударила его по... причиндалам? — спросил я.

— Держал сильно он меня. Спасибо, что заступился. Ты друг Кости? — спросил Вера.

— Ага. Сергей, — протянул я руку девушке, которую она с удовольствием пожала.

Я поднял с земли её шапку, отряхнул от снега и протянул девушке.

— Спасибо. Знаю я тебя. Как-то приходил ты с ним к нам домой. Даже состояние у тебя такое же было, — улыбнулась Вера, напоминая мне, как мы пересеклись с ней у двери квартиры в мой первый основной отпуск в период учёбы в Белогорске.

— Совпадение. Так-то, большая редкость увидеть меня в таком состоянии. Можно сказать, что я совсем не пью, — ответил я, немного пошатнувшись.

— Ну, да! Лётчик и не употребляющий — вызывает у меня сомнения, — посмеялась Вера, надев свою шапку и спрятав под неё свои светлые волосы.

— Ладно. Мне надо этого страуса достать, — указал я на стоявшего в согнутом положении Костю.

— Пошли. Помогу... — ринулась к Бардину Вера, но я остановил её.

— Не стоит. Тебе домой лучше идти.

— Серёжа, — сказала тонким голосом Вера и у меня тут же в памяти всплыла Женя. — Мы своих, не бросаем. Давайте его заберем, и я вас чаем напою.

Вот этот огненный взгляд и копна золотистых локонов меня прямо-таки сразили наповал сейчас. От такого чарующего взгляда нельзя трезвому устоять!

— Чего застыл? — улыбнулась Вера. — Понравилась?

— А почему бы и нет. Вашей маме, Верочка, зять не нужен, кстати? — со всей серьёзностью

спросил я.

— Ого! Да вы Сергей не любите откладывать всё в долгий ящик. Я ещё маленькая, вообще-то, — ответила Вера и пошла к Костяну, который продолжал бороться с сугробом.

Через несколько минут мы сидели за столом на уютной кухне.

— Костян, ты как? — спросил я, но Бардин уткнулся лбом в стол и не подавал голоса.

Какие-то звуки мой товарищ издавал, но понять ничего не удалось. Вера в это время переодевалась и приводила себя в порядок после улицы.

На плите начинал посвистывать чайник кремового цвета, а в углу «играл» свою мелодию холодильник. Гудящий двухкамерный «Минск» буквально убаюкивал меня, но при девушке уснуть как-то не солидно. Тем более, красивой, весьма красивой.

— Как вы тут? — спросила Вера, войдя в кухню в белой водолазке и джинсах.

— Костя чай не будет, — кивнул я на Бардина.

— Заметно, — кивнула Вера, растрепав при этом свои светлые волосы. — Что расскажете, Серёжа?

И тут я понял, что рассказать мне особо и нечего, кроме как о службе. Ничего другого-то у меня и нет. Личная жизнь давно не играет яркими красками, а в остальном — только лётная романтика.

Вера рассказала, что учится во Владимирском филиале Государственного института авиации.

— Ого! И даже знаешь, сколько у самолёта крыльев? — спросил я, пытаюсь подколоть девчонку.

— Ха-ха! Одно, конечно, если это моноплан, — ответила Вера, отхлебнув из чашки в красный горошек чай. — Встречный вопрос — в каком слое создаётся сопротивление трения?

Ого! Пошли вопросы более серьёзные.

— В пограничном слое. Продолжим интеллектуальный поединок? — спросил я.

Как говорится, мой вызов был принят, и мы в течение долгого времени обменивались вопросами из аэродинамики, теории реактивных двигателей и других дисциплин, совершенно «ненужных» девушкам.

— А чего замуж не...

— Вы сговорились все? — прервала меня Вера, закатив глаза. — Не хочу я замуж. Мне ещё год учиться, а потом пойду работать.

— Куда? — удивился я.

— В КБ «МиГа»! — воскликнула Вера, сделав ударение на крайней букве.

— Ну, ты даёшь, — посмеялся я. — И возьмут тебя?

— А куда денутся? Я ж умная. Почти как ты, только не летаю, — подмигнула она мне и медленно положила себе в рот раскутанную конфету.

Незаметно, но уже перешли с девушкой на «ты». В её глазах читается заинтересованность мной, но пока Вера осторожна в своих движениях. Изредка касается под столом моей ноги. Якобы, случайно.

В этот момент Костян совсем задремал и свалился на пол.

— Надо его положить на диван, — сказала Вера и подошла к своему распластавшемуся соседу.

— Вер, я его домой отведу.

— Не надо, — активно замахала руками девушка, будто я предложил распилить своего друга. — Его Георгий Харитонович убьёт.

— За что? Папа у Костяна тоже любит пригубить хмельных напитков. Понять должен, — начал я отодвигать Веру.

— Нет, я сказала! И ты никуда не пойдёшь. Мороз на улице. Да и хулиганы эти где-то за углом прячутся.

Ты смотри, как распереживалась! Провести ночь в квартире Верочки я не против. Алкоголь подсказывает, что это может быть весьма интересно. Вот только надо удостовериться, где мама, чтобы не попасть в неудобное положение.

Костяна выгрузили на диван-книжку, стоящий в зале. Вера бережно подложила ему подушку и укрыла. Пока девчонка перемещалась, я наблюдал за её аккуратными и плавными движениями.

— Сергей, пошли со мной, — скомандовала Вера и, взяв за руку, потянула меня в другую комнату.

Нормально! Даже делать ничего не нужно! Девушка сама тебя приглашает.

Мы прошли в соседнюю комнату, где слабо горела небольшая настольная лампа, обеспечивая интимную темноту. На стене календарь с изображением советских символов,

зарубежный магнитофон со стопкой кассет и большой письменный стол с разложенными книгами. А главное, здесь была среднего размера кровать, накрытая розовым покрывалом.

— Раздевайся и складывай всё на стул, — сказала Вера и начала снимать с меня свитер.

Ого! Девочка оказалась прям-таки лёгкой на подъём! Сняв с меня свитер, она показала пальцем на штаны.

— Сразу снимать? — удивился я.

— А чего тянуть? — поинтересовалась Вера, будто каждый день мужик перед ней раздевается.

Я аккуратно стал снимать штаны, а Верочка продолжала внимательно за мной наблюдать. Как будто контролирует, чтобы я правильно раздевался.

— Снял? Молодец! А теперь ложись, — указала на кровать девушка.

Нравится девушке доминировать. Ну, пускай, я не против. В постели разберёмся, кто главный.

— Лёг, — сказал я, поудобней устраиваясь на подушке.

— Хорошо. Отдыхай. До завтра, — сказала Вера и пошла на выход из комнаты.

Опять облом? Да что за дела?

— Вера, и это всё? — спросил я.

— Ах да. Чуть не забыла, — заметила девушка и выключила из розетки лампу. — Свет надо экономить. Или... что-то ещё забыла?

Да нет! Просто раздела мужика, положила себе в кровать, забрала его вещи и куда-то пошла.

— Отлично. Спасибо. Я как раз это и хотел попросить. Не люблю, когда в глаза светит.

Вера мило хмыкнула и вышла из комнаты. Немного поворочался, пытаюсь нивелировать неровность ниже пояса, и уснул.

И снова мои непонятные сны. Опять водная гладь тёплого моря, а я со своим ведомым иду практически на предельно-малой высоте, относительно воды. Скорость по прибору растёт, берег приближается, и на нём видны настоящие ржавые скелеты. Будто я приближаюсь к зоне отчуждения.

Береговая линия под нами, и мне открывается вид на огромную пустыню с разбитыми кораблями. И откуда-то запах сырников...

Открыв глаза, я обнаружил себя в той самой комнате, куда вчера меня определила Вера. С кухни доносился запах жареного, звуки шипящего масла и весёлой песни.

«Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня», — доносился из динамика радиоприёмника голос певца по фамилии Гнатюк.

Мои вещи были аккуратно сложены на стуле. Хозяйственная какая, Верочка! Собравшись и заправив постель, я пошёл на кухню.

Костян ещё пускал пузыри, легонько похрапывая на диване. Заглянув в комнату, я увидел фотографии отца Веры, того самого генерала дяди Славы.

Он был в командировках в Африке, если судить по фотографиям с темнокожими военными. Да и на полке стояла коробочка с медалью, у которой колодка была в цветах Ангольского флага, какая-то грамота на португальском языке и отдельно орден Красной Звезды. Видимо, генерал Вячеслав Владимирович Полосов был в Анголе военным советником.

Имя отца Веры я смог прочитать на той самой грамоте рядом с орденами.

Входная дверь в квартиру открылась и на пороге появилась женщина в военной форме с авоськой фруктов и парой бутылок молока. Не нужно тестов, чтобы понять — передо мной мама Веры.

— Здравствуйте, молодой человек! — радостно воскликнула женщина с румяными от мороза щеками.

— Доброе утро! — кивнул я.

— Да какого хрена! Родя, чего так громко песня играет? Башка болит, — заныл на диване Костян, скидывая одеяло и оставаясь в одних трусах.

Тут-то и заглянула мама Веры в комнату.

— Бардин, быстро прикрылся! — начала она на него ругаться, и Костян накинул на себя одеяло.

— Здравствуйте, Эльвира Павловна. Голова очень болит, так что не надо кричать, — жалобным тоном сказал Костя.

«Завтра будет лучше, чем вчера. Лучше, чем вчера, лучше, чем вчера...» — продолжалась песня про птицу счастья.

— Пошли, Костик. Завтракать будете. И ты, зятёк, тоже, — позвала нас Эльвира Павловна.

Кажется, я попал в эпицентр операции «Женить Веру». Иначе, зачем так меня называть.

Уже выйдя от Полосовых, Костян расспрашивал меня о прошедшей ночи.

— Блин, Серёга! Ну, мы тебе все условия создали. В чём проблема-то была, что у вас ничего не состоялось? — спросил он.

— Наверное, проблема в том, что вы меня в известность не поставили. И вообще, кто это мы и почему ты решил, что всё должно было состояться?

— Ой, ну тебя, — махнул рукой Костян.

Придя домой, я с радостью обнаружил кое-что в кармане брюк. Маленькая записка от Веры была приятной неожиданностью.

— «Твой адрес знаю. Буду писать. Целую, В. В. П.», — вслух прочитал я.

Кажется, не зря сходил.

Отпуск пролетел быстрее, чем я думал. Мысли пришли в порядок. И не всё так плохо стало в личной жизни.

Вера обещала приехать, когда у неё появится время. Её учёба в институте подходила к концу, но преддипломная расслабленность девушке не грозила. Веру взяли на работу в представительство КБ «МиГ» во Владимирске.

В части меня вновь отправили к кадровику, чтобы обсудить вопросы моей должности. Балтин был рад в очередной раз заняться моим проблемным делом.

— Сергей, тебя упорно хотят видеть в Камрани, но наше командование ни в какую тебя отдавать не хочет, — сказал Трефилович. — Командир приказал ждать твоего возвращения, а потом снова к нему на беседу.

Очередной разговор, который уже известно, чем закончится.

Полковник Иванов в своём кабинете опять стоял около форточки и дымил в неё. Как только я вошёл вместе с Трефиловичем, он даже не посмотрел в мою сторону. Продолжал быть невозмутимым наш новый командир полка.

— Родин, с выходом из отпуска, — сказал Иванов и подошёл ко мне, чтобы пожать руку.

— Спасибо, товарищ командир, — быстро ответил я.

— Что решили? Сразу говорю, с вашим переводом можете ко мне не подходить. У меня задача сейчас полк собрать и начать подготовку людей к Афганистану в первую очередь, — с невозмутимым видом сказал Иванов.

Молодец, Павел Егорович! Мол, выбирай из того, что есть. Особых вариантов для продолжения службы мне не оставил.

— Товарищ командир, из всех предложенных вами мне вариантов, я выбираю первый.

Остаюсь, — сказал я, выпрямляясь в струнку.

— Вот и молодец! — улыбнулся Иванов, пожимая мне руку. — Теперь другой вопрос, в каком подразделении ты будешь теперь служить?

Иванов объяснил, что полк расширили до четырёх эскадрилий.

— По нехватке личного состава и его специализации, ему либо в родную первую, либо в третью, — сказал Трефилович, листая штатно-должностную книгу.

— В первую однозначно нет, — сказал Иванов.

Странная категоричность от командира, что мне нельзя остаться у себя в эскадрилье. Возможно, дело в инциденте с Гаврюком. Нас, кто был тогда в составе авиационной группы Шинданда, решено друг от друга развести по разным подразделениям. В открытую Павел Егорович об этом не скажет.

— Как раз таки я бы именно туда и рекомендовал его назначить. Там совсем печальная ситуация, — покачал головой Трефилович.

— У нас же были молодые лейтенанты? Плюс перевели к нам с Бокайды и Зары нескольких человек, — поинтересовался Иванов.

— Да, но это всего четыре человека. Плюс, ситуация с Гнётовым требует разъяснения. Буянов почти на пенсии...

— Ладно, Сергей Трефилович, — махнул рукой Иванов и внимательно посмотрел на меня. — Тогда в первую пойдёшь.

Ну и опять выбрать мне не дали. Да я и не собирался. В первую эскадрилью должны были «прийти» МиГ-29. Как раз то, что мне и нужно.

Прошёл ещё месяц, и вот я, уже готовый к полётам на МиГ-29, стою на стоянке перед своим первым вылетом на этом уникальном самолёте.

— Сергеич, как там переучивалось? — спросил у меня Бубко, у которого я принимал борт перед полётом.

— Скучно. Практики хотелось, — ответил я, вспоминая, что основную массу практических занятий пришлось проводить в кабине тренажного самолёта.

Вот и сейчас, ко мне пришёл один из липецких инструкторов, которые уже давно откомандированы в Осмон, чтобы подготовить нас к самостоятельным вылетам.

— С системой «Экран» разобрался? — спросил инструктор, наблюдая, как я проговариваю все действия на случай отказа одного двигателя.

— Да. Хорошая вещь, кстати, — ответил я, проверяя работу небольшого табло справа на центральной панели.

— У тебя большой налёт на МиГ-21? — спросил он, поправив мне лямку подвесной системы.

— Да. Второй класс, как никак, — улыбнулся я, надевая шлем.

— В первом полёте не лихач. Спокойно выполни несколько кругов с проходом.

— У меня ещё конвейер по плану, — сказал я.

— Сделаешь, но только сначала примерься. Самолёт почувствуй. Это не «балалайка» всё-таки, — улыбнулся липчанин и слез по стремянке на бетонку.

Проверил всё необходимое оборудование перед началом запуска, особенно тот самый индикатор системы «Экран». На нём высветилось подтверждение о готовности к работе.

— 505й, добрый день! Запуск прошу, — запросил я в эфир разрешение.

— 505й, добрый! Разрешил запуск, — весело ответил мне руководитель полётами.

— От фонаря! — крикнул я и переставил ручку закрытия в крайнее переднее положение.

— Есть, от фонаря! — услышал я радостный голос Бубко, который надел шлемофон, готовясь вместе со мной к запуску.

Прозрачная капсула опустилась и загерметизировала кабину. Сразу пропал посторонний шум, а на панели погасло табло «Запри фонарь».

Немного не по себе, что теперь не нужно самому рукой опускать фонарь. Двигутся вперёд технологии!

Рычаг управления двигателем ходит легко, и во всех положениях спокойно фиксируется. Вот теперь можно запускать двигатели. А их теперь здесь целых два!

Нажал на кнопку «Запуск на земле» и тут же загорелось табло «Запуск левого». Температура и обороты начали расти. Ощущение несколько иное, чем на МиГ-21.

Техник всё время со мной на связи, контролируя мои доклады. Механизацию крыла проверил, отклоняется плавно. Ход педалей аналогичный. На табло загорелось «Выпусти закрылки». Техники быстро убрали колодки из-под колёс. Проверил тормоза и обороты двигателя, при которых самолёт удерживается на месте.

— Магнит, 505й, прошу вырुлить, — запросил я и получил разрешение на руление.

По магистральной ехал медленно, чтобы втянуться в управление новой машиной. Сейчас,

конечно, в воздухе будет больше возможностей опробовать самолёт по полной, но не хочется въехать в стоянку другой эскадрильи на пути следования.

— 505й, перед полосой, на исполнительный, — запросил я, осматриваясь по сторонам. Вдруг кто-нибудь да заходит с малого круга и приземлится мне на голову.

Вырулил на полосу и начал выводить обороты двигателей. Чувствуется, что это уже другой самолёт.

Двигатели прогрелись, и я готов к взлёту. Есть небольшой трепет, что сейчас мне предстоит взлететь на самом современном истребителе наших ВВС.

— 505й, взлёт, — запросил я, передвинув рычаг управления двигателем в положение «Максимал».

Глава 8

От руководителя полётами прозвучала команда на взлёт. Я отпустил тормоза. Самолёт стронулся с места, резко задрал нос. Пошёл разгон.

Скорость росла, а сам МиГ несколько вибрировал и пытался дёргаться из стороны в сторону. Пока воздухозаборники не перейдут на основной режим, нос не опустится.

На приборе почти 200 км/ч и пробег начинал становиться более устойчивым. Нос постепенно опустился. Подходит тот момент, когда я смогу оторвать от полосы новый для себя самолёт.

Скорость 240, и я отклоняю ручку управления на себя. Всё очень плавно и гораздо легче, чем на МиГ-21. Будто на иномарку пересел. На командно-пилотажном приборе установился угол тангажа 10°. Переднее колесо отрывается, а за ним и основные. Полоса остаётся позади, и вот он первый взлёт на МиГ-29 произведён.

— 505й, взлёт произвёл, на первом, — доложил я и получил разрешение на выполнение разворота.

Набрал высоту полёта по кругу и выровнял самолёт по горизонту. Потрясающе, насколько он мягко управляется. Очень послушный самолёт. Позволил себе сделать небольшую змейку, сильно не уклоняясь от линии заданного пути.

— 505й, соблюдай схему полёта, — сделай мне замечание руководитель полётами.

У него на экране диспетчерского радиолокатора все мои эволюции в воздухе видны. Я представил себе, насколько же манёвренным будет этот самолёт, когда в следующих полётах буду летать на простой, сложный и высший пилотаж.

Первый уход на второй круг выполнил с высоты прохода ближнего привода. Примерился, так сказать. А вот во втором уже решил, что можно и ниже.

— 505й, полосу вижу, проход с высоты выравнивания, — запросил я у руководителя полётами.

— 505й... не возражаю, — осторожно ответил он мне.

Переживает, что не справлюсь с поставленной задачей? Вполне себе мне под силу пройти на предельно-малой высоте. На таком юрком самолёте и вовсе проблем не будет.

Приближался торец полосы. На радиовысотомере проверил, чтобы была выставлена высота опасная высота 20 метров.

Убираю шасси, самолёт слегка приподнялся, и я добавил оборотов двигателя. Рычаг управления теперь стоял в положении «Максимал».

Быстрый разгон. Настолько, что я не успел заметить, кто стоял перед полосой, в ожидании своей очереди на взлёт.

Ручку управления отклонил на себя. Угол набора почти 60° , перегрузка подошла к значению в 4 единицы. Как же резво он набирает высоту!

— 505й, контроль высоты! — говорит руководитель полётами.

— Понял, — ответил я, выдохнув от напряжения.

Выполнил разворот влево и занял курс к третьему развороту. Сейчас буду выполнять посадку с конвейера. А дальше ещё один полёт по кругу и на посадку.

— 101й, взлёт, — раздаётся в эфире голос Иванова.

Теперь я понял, кто стоял на предварительном старте. Кажется, после полёта меня ожидает неприятный разговор.

После выполнения своего задания, посадки и заруливания, я долго не мог успокоиться.

— Это круто! — не сдерживал я свои эмоции, вылезая из кабины.

Инструктор из Липецка уже ждал меня на стоянке. Я подошёл к нему и, согласно традиции, представился по случаю первого самостоятельного вылета на новом для себя самолёте.

— Молодец! — сказал липчанин, пожав мне руку и взяв подписанную мной пачку «Казбека». — Прошелся над полосой, будто всю жизнь на 29 м летаешь. Спокойно, аккуратно.

— И главное — всё было в рамках закона. Даже у РП разрешение спросил, — улыбнулся я.

— А вообще, самолёт, как я понял, ты хорошо освоил, — сказал инструктор и мы пошли с ним в высотный домик. — На посадке без отклонений. Конвейер сделал, будто на корабль

заходил.

— Стараюсь. В испытатели готовлюсь, — улыбнулся я.

— Ты сейчас пошутил или серьёзно? — спросил липчанин.

— Никаких шуток. Есть у меня дикое желание в школу испытателей поступить.

— Это похвально. Поступишь, если отпустят. Из моих учеников трое уже дошли до школы и окончили её.

— Значит, вы приносите удачу? — спросил я.

— Вообще-то, я думал, что хорошо учу, — посмеялся липчанин, похлопав меня по плечу.

После лётной смены предстоял разбор полётов. Весь лётный состав, в том числе и липецкие инструкторы, сидел в классе предполётных указаний. Гнётов уже предупредил меня, что полковник Иванов обратит внимание на мои выкрутасы.

— Ты чего себя как мальчик ведёшь? Это в Афганистане нам всем прощались нарушения регламентов и инструкций, — шептал он мне, когда все расселись по местам.

— Максимыч, всё было в рамках. Я не превысил ограничений.

— Вот ты это Иванову и расскажешь. Нашёл, когда над полосой носиться, — махнул рукой Гнётов.

По его лицу видно, что он волнуется. Ещё бы! Сейчас он исполняет обязанности командира нашей первой эскадрильи и тешит себя надеждой, что получит назначение на эту должность. Вот только в кулуарах говорят обратное.

— Максимыч, а ты сам-то видел? — улыбнулся я.

— Видел. Твой училищный инструктор Нестеров за тебя бы порадовался, — прошипел Гнётов.

— Он меня отлично обучил. Да и липецкие ребята дали нам хорошие знания, — кивнул я в сторону гостей из другого центра переучивания.

— Не знаю, как липчане тебя учили, но Нестеров не порадовался бы. Он тоже мог выкрутасничать, но подобных действий своих учеников не одобрял, — проворчал Григорий Максимович.

Через минуту появился Павел Егорович. Вид у него был уставший, а голова вспотевшая. Только что он вышел из своего МиГ-23го, на котором летал с заместителем командира другого полка.

— Начнём. Чего мы достигли сегодня? — обратился он к руководителю полётами.

РП поднялся и довёл основные цифры сегодняшнего дня — количество полётов, налёт и замечания. Меня в списке нарушителей не оказалось.

Дальше выступил каждый командир эскадрильи со своим поведением итогов за лётную смену его подразделения.

И вот только потом, командир перешёл к «раздаче слонов». Кто-то нечётко выполнял команды группы руководства, и это было услышано Ивановым. Кому-то сделал замечание за медленную работу на стоянке и подготовку самолётов к повторным вылетам. Руководителя ближней зоны отпорол за плохое формирование потока самолётов на посадку.

Ну и про мой проход над полосой командир смолчать не смог. Заставил меня постоять и выслушать его недовольство произошедшим.

— Старший лейтенант Родин, вы меня слышите? Вы ещё пока старший лейтенант и не обладаете достаточным опытом полётов на данном типе самолёта. Кто вам давал право выполнить такой проход?

— Я запросил разрешение. Обстановка позволяла, — ответил я.

— Подтверждаю, товарищ командир, — встал со своего места РП.

— Хорошо. Тогда объясните, зачем рисковать самолётом и, главное, собой? — продолжил напирать Иванов.

— Товарищ командир, никакой опасности не было. Согласно руководству по лётной эксплуатации, проход над полосой может выполняться как с высоты прохода ближнего привода, так и с высоты выравнивания...

— Но в целях безопасности на высоте не менее 50 метров, — слегка повысив голос, произнёс Иванов.

— Я взял запас в 20 метров и выставил его на радиовысотомере...

— Так, Родин, — перебил меня Иванов. — Я знаю, что по документам к вам не прикапаешься. Вы парень неглупый и знаете, как нарушать... законно. Если вообще такое выражение здесь применимо, — улыбнулся Павел Егорович.

А ведь командир слегка слукавил! Не обязывает меня руководство по лётной эксплуатации выполнять уход на второй круг с такой высоты. Спорить не слишком умно в такой мелочной ситуации. Да и где я, а где командир.

— Так точно. Вполне применимо, — кивнул я.

— Я не поленился и посмотрел объективный контроль с вашего полёта, — сказал Иванов. —

На грани, но допустимо. Я это к чему — грань в полёте всегда очень тонкая. И не надо самому стараться её пересечь. Вы меня поняли, Сергей Сергеевич?

— Так точно.

— А вообще, ставлю в пример. Один из самых молодых у нас лётчиков, а МиГ-29 освоил быстрее всех из крайнего потока переучивающихся.

На этой радостной ноте мы и разошлись. Можно сказать, что достался мне сегодня и пряник, и кнут.

Время шло, и приближался момент, когда к нам на базу должны были прибыть первые лётчики для подготовки в Афганистан. К этому времени полк был полностью готов к работе в качестве инструкторов.

Липчане оказали нам в этом вопросе большую помощь. Не зря их инструкторско-исследовательский полк лучший в стране.

Благодаря им все эскадрильи были переучены на новые для себя типы самолётов. Правда, для этого нам пришлось снова выйти на «афганские темпы» налёта.

Сегодня в классе решил восполнить пробелы в лётной книжке. Григорий Максимыч при этом раздавал всем указания для заполнения какой-то новой документации.

— Теперь каждый у себя в тетрадях пишет, как его подопечный справляется с обучением...

Это всё, что нужно было услышать из длиннющей речи нашего врио командира эскадрильи. Так как мы теперь полк в составе Центра боевой подготовки, над нами есть множество начальников, проверяющих, ответственных и других надзорных людей. А ещё есть огромный пласт документов, придуманных отделами в Центре, которые нужно выполнять. По моим подсчётам, в сутках должно быть 36 часов, чтобы всё это успеть.

— Григорий Максимович, а мы можем вот всё это, — поднял Марик вверх листок со списком нововведений. — И оставить из него, например... ничего?

— Барсов, я сейчас тебя «ничем» сделаю, понял? Думаешь, мне хочется вести... как эту тетрадь там называют? — тыкнул Гнётов в листок, вспомнив одну из ненужных писанин в списке.

— Это не тетрадь, — пояснил я и нашёл искомый документ. — «Журнал учёта телеграмм, приказов, донесений, поступающих по бюллетеням профилактики предпосылок к авиационным происшествиям и инцидентам, а также проведения разбора авиационных происшествий и инцидентов». В данном журнале предписано обязательно указывать дату, место, обстоятельства и причин данных событий.

Задумались все. Я сам был в шоке, как раньше мы жили без этих журналов. В будущем подобные журналы будут, и за них спрашивают. Сейчас я предполагал, что всё гораздо

проще.

Как только все документы были проверены методистами из Центра, которому мы подчинялись, нам довели день прибытия первой группы.

Придя в штаб своей эскадрильи, когда уже приехала первая партия народу, я первым делом собирался обсудить в лётном классе порядок обучения.

— Всех приветствую... — весело сказал я, открыв дверь, но тут же замолчал.

В классе на меня смотрели несколько человек, а узнал из них я только Гнётова.

— Вот, кстати, и Сергей Сергеевич, о котором вы спрашивали, — тут же указал на меня Григорий Максимович.

— Такой молодой, — расстроено сказал один из лётчиков, имевший большую залысину.

— И как будет у нас всё построено? — спросил другой, намного моложе.

— Я всё доведу, так что не торопитесь, — сказал Гнётов и показал мне выйти.

Григорий Максимович поторопил меня, шепнув, чтоб выходил из класса быстрее.

— Что случилось? — спросил я, заметив, как напряжён Гнётов.

Что-то он «сдаёт» последнее время. Видимо, нервничает, что от него может уйти должность комэска. По правде сказать, ему уже намекнуло командование, что нет у него шансов занять должность. Ждут начальники кого-то другого.

— Вот, принимай управление личным составом. Группа на МиГ-21, — махнул на дверь Гнётов.

— Командир, не смешно, — покачал я головой.

— Сергей, я похож на того, кто шутит. Это группа твоя. Летаешь с ними по утверждённому плану командиром и начальником Центра.

Я слегка приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Шесть человек примерно моего возраста, а двое выглядят даже старше меня.

— Вы понимаете, что я, например, младше того, что с залысиной? Вы бы слушали старлея?

— Им придётся тебя послушать. Из всех, кто в моей эскадрильи сейчас, кроме меня, тебя и Марика на 21х никто не летал. Все пришли с МиГ-23 или Су-15.

— А Марика чего не напряжёте? — спросил я.

— Ему ещё на МиГ-29 допуститься нужно. Зачёты не сдал, засранец.

— Командир, вы меня извините, но вы меня сейчас специально нагрузили? Мне как будто не надо осваивать новый истребитель? — я слегка возмутился. — Я готов работать, но почему всю группу на меня?

— Родин, отставить! — повысил голос Гнётов и сделал паузу. — Все вопросы к Иванову. Никто не думал, что в Афганистане ещё будут стоять МиГ-21. В нашей эскадрилье их оставили, пока не будет достаточно 29х, а потом решено совсем убрать. Вот Павел Егорович и поручил нам работать с этой группой и настоятельно рекомендовал тебя старшим.

Либо пытается отмазаться Максимович, либо действительно Иванов решил вот так меня напрячь. Мол проверяет, не буду ли я халтурить, раз решил остаться и дожидаться удобного момента опять свалить в испытатели.

— Задачу понял. Пойду выполнять, — ответил я и снова вошёл в класс.

Лётчики переговаривались между собой и никто на меня внимания обращать не стал.

— Всем добрый день! Давайте знакомиться... — начал говорить я, но парень с залысиной прервал меня.

— Слушай, Сергей тебя зовут? — спросил он. — Мы понимаем, что ваш Центр пока ещё не особо начал работать. Давай посидим, поговорим немного. Затем полетаем без выкрутасов и мы полетим «за речку», — улыбнулся он.

— Во-первых, мы уже официально сформированы и готовы полностью провести горную лётную подготовку. А во-вторых, у меня приказ вас учить. Поверьте, кое-чему нужно обучиться, поскольку там сразу заставят лететь на задачу.

— Сергей, да мы будем в дежурном звене сидеть, пока нас клопы сами не выгонят из домика, — улыбнулся парень с объёмной причёской.

— Может, и так. А если вам скажут лететь на разведку в Панджшер. Там средняя высота гор выше 4000 метров. Духов придётся искать в каждом ущелье и ложбине. И вам придётся там летать на очень большой скорости, если не горите желанием получить ракету в правый или левый борт.

Уговаривать я их не собирался. Когда мы дошли до обсуждения операции в Хосте и Кунаре, всех удивило, что нам приходилось буквально утюжить пузом каждый камень в горах.

— Сурово всё, — сказал лысый. — Тогда не будем тянуть с практикой. Что хотел бы нам рассказать?

Никакой лекции мы, естественно, не проводили. Вкратце рассказал про рельеф Афгана, типовые маршруты на разведку местности и особенности на посадке.

На следующий день запланировали три вылета в зону на сложный пилотаж. В задании прописали и полёт на предельно-малой высоте.

Первые два вылета прошли спокойно. В полёте редко приходилось брать на себя управление, чтобы помочь проверяемому справиться с маневрированием в ущельях. Третьим был парень по фамилии Тубин.

— Давай пикирование, вывод и пару бочек. Высота вывода 600, — сказал я парню, когда мы закончили работать в зоне на средней высоте.

— Понял, — слегка неуверенно сказал парниша и выровнял самолёт по горизонту.

— Магнит, 524й, работа с переменным профилем. От 4000 до 600, — запросил я у офицера боевого управления, представляясь за своего проверяемого.

— Разрешил 524й, — сказал ОБУшник и я полностью убрал руки и ноги от органов управления.

Так, конечно, делать не нужно, но человек должен почувствовать управление в подобных условиях.

— Давай пикируем, — сказал я и Тубин тут же ввёл самолёт в пикирование.

Резво, но в пределах разумного. Перегрузка небольшая, но в кресло вдавило.

— Помни про ориентир, — подсказывал я ему, но Тубин молчал.

Нос МиГ-21 продолжал наклоняться, подходя к отметке в 35°. Есть ощущение, что мы продолжаем клевать носом.

Высота 2000. Ещё немного, и нужно выводить. Скорость растёт, к креслу прижимает всё сильнее. Угол наклона уже 40°.

— Внимание, вывод! — громко говорю я по внутренней связи, но парень молчит.

Земля приближается, и мы к ней летим на всех оборотах.

— Вывод! Вывод! — кричу я, но реакции ноль.

Ставлю ноги на педали и начинаю плавно вытягивать ручку на себя, но скорость слишком большая. Просадка будет ниже 600 метров. Тяну ручку, а она мне не поддаётся. На высотомере почти 1000 метров, к креслу сильно придавило и дышать становится тяжелее.

Глава 9

Тормозные щитки мной были предусмотрительно выпущены перед вводом в пикирование. Высота на приборе уже 950 метров. И всё внутри сжалось.

Ручку управления начал отклонять на себя, но она будто во что-то упёрлась. Время принять решения о катапультировании ещё есть.

Ещё раз пытаюсь перетянуть ручку управления самолётом на себя, но она не идёт. Перегрузка на соответствующем указателе была равна 5 единицам. Высота 900 метров. Ещё немного и его не вывести.

Либо «выходим на воздух» сейчас, либо боремся.

— Вывод, твою мать! — кричу я по внутренней связи, но парень в передней кабине будто отключился.

Перегрузка подошла к 6 единицам, а самолёт несся к земле под углом уже 50°.

И как назло прямо по курсу деревня. Внизу уже можно разглядеть детишек, бегающих по футбольному полю. Прыгать однозначно нельзя, иначе будут жертвы. Тогда только выводить.

Ещё раз вытягиваю ручку управления на себя. Есть! Нос самолёта стал подниматься.

Обороты двигателей пошли вверх, но МиГ-21 ещё просаживался. Высота 500... 400... Перегрузка жмёт сильнее, дыхание совсем остановилось.

Выровнял самолёт по горизонту. Ручку управления установил в нейтральное положение.

Перед глазами появился силуэт вершин Гиндукуша, сменивший серую поверхность предгорий. Теперь я чётко видел перед собой линию горизонта, а высотомер остановился на отметке 200 метров. И в этот момент я громко выдохнул, издавая подобие рычания.

— Тубин? — снова громко крикнул я своему инструктируемому.

— Да... да, слушаю, — ответил он, будто только что очнулся от глубокого сна. — А мы... мы где?

— Ты совсем дурной? — спросил я, переводя самолёт в набор высоты.

— В смысле? Не понял вопроса.

— Бери управление и давай на аэродром, — спокойно сказал я, окончательно отойдя от манёвра.

Нельзя сказать, что в Афгане мы так не летали, но в те моменты мы знали, что делать. А главное, самолёт был послушен. Здесь же Тубин, будто застопорился и сильно зажал ручку управления, не дав мне сразу вмешаться в ситуацию.

После посадки я попросил лейтенанта отойти в сторону и объяснить мне, что произошло.

— Сергей, давай потом, — отмахнулся парень, улыбаясь и уходя в направлении здания высотного снаряжения.

Однако эта улыбка выглядела весьма натянуто. Надо с ним поговорить о произошедшем.

— Сейчас, — твёрдо сказал я и Тубин слегка зажался, нервно сглотнув.

Сразу в лоб я не хотел у него спрашивать о полёте. Надо как-то издалека зайти, чтобы он не врал.

— Напомни, как тебя зовут? — спросил я, когда мы медленно шли с Тубиным по стоянке.

— Альберт, — ответил он.

— Слушай, Алик, а ты Качу заканчивал?

— Да. Хотели инструктором, как отличника оставить, да и я был не против. Но не срослось.

— Других отличников нашли? — улыбнулся я.

— Можно и так сказать, — сказал Альберт, достав слегка трясущимися руками из кармана сигарету.

Волнуется парень. Не расслабился ещё после полёта.

— Ну я хочу сказать, что в Каче неплохих парней готовят нынче. Техника пилотирования у тебя хорошая, — похлопал я его по плечу. — В Афганистан сам попросился?

— Разнарядка пришла, а наш полк на МиГ-29 пересаживается сейчас. Только в моей эскадрилье остались 21е. Комэска спросил кто хочет. Я вызвался. У меня же дружбан там погиб в прошлом году. Тоже в Качу поступал на год раньше меня, да только не прошёл туда. Поступил в Барнаул.

Если Барнаульское училище заканчивал его товарищ, то в Афганистане летал либо на истребителях-бомбардировщиках Су-17, либо на штурмовиках Су-25. В памяти всплыло одно имя, которое я решил назвать Альберту.

— Его не Юра Орлов звали? — спросил я и Алик тут же закивал головой, выдыхая табачный дым.

— Он самый. В закрытом гробу привезли. Посмертно орден Красной Звезды получил, — сказал Альберт и посмотрел куда-то в сторону.

Тот самый парень, которого подстрелил снайпер в Шинданде. Помню, что нам не сразу разрешили его и ещё нескольких человек должным образом на Родину проводить.

— Сергей, ты будешь докладывать о произошедшем в полёте? — спросил Альберт.

Не пришлось мне самому задавать этот вопрос. По-хорошему надо бы ещё пару раз с Аликом слетать и удостовериться в его пригодности или непригодности.

— Пока не буду. Но если подобное повторится, не обижайся. В Афганистан ты не поедешь,
— ответил я и Алик поблагодарил меня, бросившись обниматься.

Ещё несколько дней полётов, и вот настал крайний этап — работа по полигону. Альберт летел со мной в крайнем вылете в смене.

Взлёт произвели без отклонений. Тубин весьма резво пошёл в набор высоты, чтобы выскочить сразу в район полигона на нужной высоте для работы.

— Подходим к полигону. Параметры ввода помнишь? — спросил я.

— Да. Выполняем переворот и пикируем, угол 40° , высота сброса 800, — сказал Альберт и начал запрашивать у руководителя полётами на полигоне разрешение на работу.

Через минуту Алик обнаружил цель и начал выполнять заход. Среди нескольких сопok стоял замаскированный муляж танка. Боевая зарядка у нас две ФАБ-250 не давала ему шанса на сохранение целостности.

— Главный включил. Готов к работе, — доложил он по внутренней связи.

— Угол прицеливания? — запросил я.

— 6.30 установлен. Оружие выбрал, — сказал Алик.

Ещё несколько секунд и мы вышли на цель.

— Переворот. И рааз! — подсказал я и Альберт начал выполнять манёвр. Я повис на ремнях головой вниз, а самолёт устремился к земле. Началось пикирование на цель.

В этот раз Алик проговаривал каждое своё действие. По внутренней связи был слышен его прерывистый голос, но пока всё хорошо. Перегрузка росла, скорость подошла к 800 км/ч.

— Угол... 40, цель вижу, — сказал Тубин, но слышно было, как ему тяжело.

Перегрузка на выводе при включении форсажа будет около 7. А высота вывода будет в пределах 300 метров.

— Высота 1500, — подсказываю я.

— По... понял, — вяло отвечает Алик.

Я положил левую руку на рычаг управления двигателем, а правой слегка держался за ручку управления. Стрелка высотомера подходила к значению 1000 метров, скорость 900.

Самолёт слегка подбросило вверх, будто что-то от него отвалилось. Вот же, Алик! Слишком рано нажал на кнопку сброса и бомбы ушли вниз, а самолёт продолжал пикировать. Я не стал ждать, пока он соберётся вывести его.

Включил форсаж, ручку управления отклонил на себя и перевёл самолёт в набор. В наборе высоты бросил взгляд влево и обнаружил небольшой недолёт до центра круга.

— В горах каждые пятьдесят метров высоты будут иметь значение. Чем отвеснее пикирование, тем точнее, — сказал я по внутренней связи, но в ответ тишина. — Алик, ты меня слышишь? — запросил я Тубина, но тот снова не ответил. — Алик?

Прошло несколько секунд, прежде чем Альберт откликнулся на мой вызов.

— Сам сможешь посадить самолёт? — спросил я, занимая курс на аэродром.

— Смогу. Нам поговорить нужно, Сергей. Тут такое...

— Вот на земле и поговорим. Управление возьми, — прервал я его и отпустил органы управления.

Но после посадки Алик очень быстро решил от меня скрыться. Когда я пытался его окликнуть, он сделал вид, что ничего не слышал.

Бубко увидел этот эпизод, когда я кричал вслед Турбину и тоже удивился.

— Я так понимаю, Сергеич, полёт не удался? — спросил сержант.

— Трудно сказать, Вениамин Александрович, — ответил я.

— Сергеич, ты меня вот так не называй. Я себя директором завода чувствую, когда слышу своё имя и отчество от тебя, — неуверенно сказал Бубко, протягивая мне журнал подготовки самолёта.

— Даже не расписался. Вот же Алик! — воскликнул я.

— Если честно, мне кажется, что не надо ему в Афган. Расшибётся это как пить дать, — шепнул Веня, утирая свой маленький пушок под носом.

— Саныч, ты бы меньше такое говорил. Накаркаешь ещё, — сказал я, протягивая технику журнал. — Мне бы на «высотку» побыстрее попасть.

— Так вот, же АПАшка! — воскликнул Бубко, указывая на отъезжающий автомобиль со стоянки.

Прыгнув на подножку, я быстро домчал до нужного места. Надо сразу рассказать всё Гнётову. Вот только обойти самый щепетильный момент — возможную потерю сознания Алика. С таким недугом из лётной работы попрут сразу. С другой стороны, жив останется,

поскольку нельзя ему с большими перегрузками летать.

Войдя в класс предполётных указаний, своего врио командира эскадрильи я там не обнаружил. Зато сразу же увидел беседующего Алика со своим старшим. Это был заместитель командира его полка. Что-то он ему там очень интересное рассказал, что зам. на меня волком посмотрел.

— Идите-ка сюда, старший лейтенант, — грубо произнёс подполковник в камуфлированном лётном комбинезоне.

Такие сейчас редко у кого встретишь. Через пару-тройку лет начнут их всем выдавать.

— Старший лейтенант Родин, — подошёл я и представился.

— В чём у вас проблема с моим лётчиком? — спросил он с неким наездом.

Альберт в этот момент прятал глаза и смотрел куда-то в сторону. Эх и зачем этот цирк нужно было ему устраивать? Спокойно бы всё решили и поехал бы он обратно в свою часть. А теперь конфликта нам не избежать.

— Я не понимаю вашего вопроса, товарищ подполковник, — ответил я.

— Тубин утверждает, что вы не дали ему выполнить как следует бомбометание. Мол сами ещё не совсем научились это делать...

Ну, Альберт! Как только у тебя язык повернулся такое сказать.

— Что можете на это сказать? — поставил руки в боки подполковник и стал сверлить меня взглядом.

— Во-первых, никто ему не мешал. Бомбометание он выполнил сам. Вывод из пикирования выполнил я — это правда. Во-вторых, это был не единственный случай, когда я вмешивался в управление. Причину я вам назвать не могу, поскольку Альберт не объяснил мне, в чём у него была проблема на выводе.

— А с чего это он должен тебе что-то объяснять? Он программу выполнил, потренировался. Ты в плане его подготовки расписался и отметки о выполнении поставил и всё, — развёл руками подполковник.

— Да, работа у меня несложная, товарищ подполковник. Но вот с Тубиным случай особый.

— Так, всё! Давай-ка ты перестанешь тут показывать себя крутым инструктором, пойдёшь сейчас и распишешь ему допуск.

Вот это даёт подполковник! Как будто у себя в полку командует.

— Решение о его допуске будем принимать завтра. Если позволите, то мне нужно идти, —

сказал я и старший группы Тубина небрежно махнул мне рукой.

Кажется, назревает очень серьёзная ситуация. Зачем только Алик развёл это всё? Настолько боится не поехать в Афган, что готов пойти на ложь?

Уснуть вечером у меня никак не получалось. Завтра предстоит отстаивать свою позицию. Для себя я решил, что буду до конца бороться, чтобы парня не пустили в Афганистан. Не хочу, чтобы на мне висел потом груз ответственности за его жизнь. Он при первой же атаке с пикирования отключится и погибнет.

Про потерю сознания надо постараться смолчать. Это оставит ему шанс перейти на транспортников хотя бы. Да и если бы я об отключке говорил, доказать это очень тяжело. Можно прослушать радиообмен и как я попытался докричаться до Альберта. Однако этого мало.

Утром я расписал на всех допуска, а Гнётов провёл по документам официальный допуск к полётам в Афганистане, как это и было предписано нашими методическими указаниями. Естественно, у Максимовича возник вопрос по поводу Тубина.

— Сергей, почему ты его не допускаешь? — спросил Гнётов, заметив, как я убрал в сторону план подготовки на Алика.

— Он не готов, командир, — сказал я и рассказал некоторые подробности из наших полётов.

Кое-как смог обойти стороной момент отключения Тубина. Вряд ли мне поверил Гнётов, но с доводами согласился и забрал с собой бумаги.

Без каких-либо неожиданностей через полчаса он вернулся, чтобы заставить меня подписать.

— Родин, давай ты не будешь изображать из себя академика, — бросил передо мной лист с отметками о выполненных полётах Тубина и его лётную книжку. — Понимаю, что поставили тебя на старшего лётчика и нужно себя показать. Не тот случай, чтобы быть принципиальным.

И это мне говорит Гнётов! Мистер «я педант». В погоне за должностью и статистикой не хочет портить нам репутацию крутого Центра подготовки.

— Григорий Максимович, это именно тот самый случай, когда нужно быть принципиальным. Я вам рассказал, как он себя вёл на пикированиях и манёврах у земли. Это, как вы помните, краеугольный камень нашей программы подготовки. Горы и Афганистан — неразрывные понятия.

— Родин, вот чего ты хорохоришься? Подпись поставь и пускай едут в Афган. Мы и так из графика выбились. Этому полку людей нужно менять, а мы их тут держим, поскольку у молодого Тубина параметры на выводе из пикирования вышли за ограничения.

Так говорит, будто это было легко. Я до сих пор ощущаю, как у меня всё сжалось внутри перед выводом. И как я потом обтекал в кабине от напряжения. Тубин, возможно, и не помнит, как отключился и я вывел самолёт. Говорить он со мной начал, только когда высоту набрали.

— Товарищ майор, я не подпишу. Вы можете это сделать сами, либо пойти к командиру или заму по лётной подготовке. Они могут тоже принять решение.

— И что я им скажу? Что у меня Родин отказывается подписывать? Ставь свою закорючку и всё на этом! — воскликнул Гнётов, но я продолжал быть непреклонен.

Не могу я такой грех на душу взять. Пускай меня лучше ненавидит весь его полк, но смерти не будет на моей совести.

Полдня я отбивался от атак Гнётова, просьб Тубина и наездов замкомандира приезжего полка. Как я и думал, закончилось всё это дело вызовом в кабинет Иванова.

Пока мы шли в штаб с Гнётовым, я успел выслушать несколько фраз о том, как я оборзел и меня давно пора наказать. За что только, непонятно.

— Ты будешь стоять на своём? — остановил меня Максимович у самого входа в приёмную.

— Да, командир. Буду. Вы бы тоже стояли на своём, верно? — спросил я.

— Ну это ведь не тот случай. Иванов — педант в этих вопросах. Всё у него, должно быть, по правилам и документам. Но и бросать тень на Центр он не позволит. А ты в первом же потоке отстраняешь лётчика.

Отвечать больше я ничего не стал. Сейчас ещё предстоит общение с Павлом Егоровичем. Вот тут и наговоримся!

Войдя в кабинет командира полка, у меня в очередной раз сложилось впечатление, что Павел Егорович не может начать совещание или какой-то важный разговор без папиросы. Снова Иванов курил рядом с открытой форточкой. За столом для совещаний сидел старший группы полка Тубина, а сам Алик сидел напротив него.

По лицу лейтенанта было видно, что он волнуется. Ведь я могу сейчас поделиться соображениям по поводу его отключек и тогда ему влетит за обман очень круто.

— Итак, собрались все причастные к этому делу. Старший лейтенант Родин сейчас нам доложит свои соображения, — сказал Иванов, затушив сигарету в пепельнице на подоконнике.

В очередной раз я пересказал все детали ошибок Тубина. Его командир и Гнётов слушали внимательно, но реагировали по-разному.

Подполковник то усмехался, то расстроено качал головой. Максимович, в свою очередь,

смотрел на командира нашего полка и ждал его реакции.

— Понятно всё. Присаживайтесь, Сергей Сергеевич, — указал на стул рядом с Тубиным Иванов.

Когда я сел, Алик слегка отодвинулся от меня. Будто заразиться боится или думает, что я его бить буду?

— Теперь послушаем товарища лейтенанта Тубина, — дал слово Альберту Павел Егорович.

Алик без запинки всё рассказал, практически повторив все события, рассказанные мной. За одним только исключением — он везде красавчик, а я у него ручку постоянно выхватывал. Как только Альберт закончил со своими отмазками, в дело вступил его командир.

— Пал Егорыч, ну, ошибся ваш молодой инструктор. С кем не бывает. Просто слишком рано стал хвататься за управление и не слишком доверил выполнение сложных манёвров другому молодому лётчику. Предлагаю допустить Тубина и собираться нам на перелёт в Баграм, — улыбнулся подполковник.

Иванов несколько секунд смотрел на собравшихся, а потом снова пошёл к окну покурить.

— С какой высоты Тубин вы сбросили бомбы на полигоне? — спросил Павел Егорович, доставая папиросу «Казбека».

— 1000 метров вместо 800, — доложил Альберт.

— И случилось это потому, что старший лейтенант Родин выхватывал у вас ручку управления? — удивлённо спросил Иванов.

— Так точно. То же самое было и на пилотаже.

— Тогда доложите мне высоту вывода из пикирования, рассчитанную для задания в зоне, — спросил Иванов, отворачиваясь от окна.

— 600 метров, — громко сказал Тубин.

— Прекрасно. А самолёт вывели на высоте 200 метров. Просто потому, что Родин решил потеревить ручку управления, так? — спросил Иванов, но Альберт промолчал. — Вы летали в зоне номер 3, Сергей Сергеевич? — задал уже мне вопрос Иванов.

— Так точно.

— Тогда доложите мне Тубин, какой объект вы видели, приблизившись к земле? С высоты 200 метров, если у вас нет проблем со здоровьем, вы должны были кое-что там разглядеть, — спросил Павел Егорович.

Речь в вопросе шла о той самой деревне, на которую мы и пикировали. Но Алик вряд ли её

смог бы запомнить, поскольку вырубился. Командир, похоже, догадался в чём проблема.

На крайний вопрос Альберт ответа не дал.

— Лейтенант, подождите за дверью. Нам нужно принять решение о вашем допуске, — сказал Иванов и затушил свою папиросу.

Тубин быстро вышел за дверь, а его начальник сощурился от недоумения.

— Пал Егорыч, как это понимать? — возмутился подполковник.

— Всё очень просто — этот лейтенант либо просто теряется на пикировании, либо теряет сознание в полёте, — ответил Иванов. — Рекомендую отправить его домой. А лучше в транспортную или армейскую авиацию, где нет таких перегрузок. Этим вы не сломаете человеку жизнь.

— Ерунда какая-то. Я с ним в полку летал, и такого не было. А тут, в Осмоне открылось. Я не верю, — сказал подполковник.

— Вы сами слышали его инструктора. Он всё вам предельно рассказал. Мало того, он не строил необдуманных теорий насчёт потери сознания. Одних только его выводов достаточно, чтобы Тубина не пропустить в командировку. Не мной и не вами было написано положение и инструкция по подготовке к службе в Афганистане, — вступил в разговор Гнётов, который теперь твёрдо занял мою позицию.

Видать, почувствовал какое решение принял Иванов и решил «петь» вместе с ним.

— Ваш инструктор слишком молод для такой работы. Чему ты, Родин можешь научить? — небрежно спросил у меня подполковник.

— У меня достаточно знаний о полётах в Афганистане, чтобы передать свой опыт вашим лётчикам. Или вы считаете иначе? — спросил я, но тут же поймал строгий взгляд Иванова.

Наверняка, Павел Егорович сам хотел что-то сказать, но смолчать я не мог. Так и продолжает нагнетать вопрос по поводу моего возраста этот подполковник.

— Конечно, считаю. Хм, вы мне представляли инструктора моих парней, как храброго орденоносца и воздушного бойца. Чего он достиг за время Афганской войны? Вы все, чего достигли?

Иванов не выдержал и привстал со своего места.

— А теперь я попрошу и вас двоих выйти. Можете идти работать, а нам с товарищем подполковником нужно пообщаться, — сказал Павел Егорович.

Как-то резко задал свои вопросы товарищ подполковник. Вообще, мне странным кажется такое поведение человека с другого полка. Не могу только вспомнить откуда к нам прибыли

эти ребята.

— Григорий Максимыч, а чего этот старший группы такой смелый с нашим командиром полка? — спросил я, когда мы шли с Гнётовым по коридору штаба.

— ВВС Московского военного округа, — улыбнулся врио командира эскадрильи. — Этот замкомандира вообще, как говорят, родственник самого главкома Кутахова, — покачал головой Гнётов.

— Думаете, затаит обиду? — спросил я, когда мы проходили мимо двери отдела кадров.

— Однозначно. Прямо сейчас нам стоит начать готовиться к очередной проверке. И будут нас инспектировать ой как строго, — почесал затылок Григорий Максимович.

Глава 10

Не прошло и недели, как улетела группа лётчиков в Афганистан, а нас уже поставили в известность о прибытии комиссии из Главкомата. Инспектировать будут сформированный Центр, но основное внимание уделят работе нашего полка. Времени у нас было месяц на подготовку.

137й Центр боевого применения и подготовки лётного состава — именно так теперь называется часть центрального подчинения, в состав которой и входит наш 632й инструкторско-исследовательский смешанный авиационный полк. Такое новообразование на авиационной карте Советского Союза, как этот Центр теперь будет являться основной базой подготовки наших лётчиков к полётам в Афганистане. Но уже многие важные люди видят расширение спектра наших задач. Как раз, чтобы и определить возможности этого расширения и собирается к нам эта комиссия.

В самом здании Центра заседало не больше сотни человек. По сути, мы стали отдельной дивизией с прямым подчинением сначала начальнику этого Центра, а он уже подчинялся Главкому ВВС СССР.

За неделю до прибытия проверяющих предварительно осмотрели нашу базу представители Центра во главе с его начальником Просвирновым. Он, кстати, получил недавно генерала.

После небольшой «экскурсии», нам дали команду собраться в актовом зале.

Приветственных слов от генерала мы так и не дождались. За исключением суховатого «рад всех видеть». Просвирнов сидел за центральным столом и заслушивал доклады своих заместителей, которые рассказывали ему о состоянии дел в полку и Центре.

— Внешний вид и порядок на территории обязателен, Пал Егорыч, — настоятельно требовал Просвирнов. — Меня предупредили, что едут строгие ребята. Проверять будут досконально.

— Так точно, товарищ генерал. У нас все готовы, — доложил Иванов.

— Насколько мы подкреплены своей нормативно-правовой базой? Всё ли у нас разработано по учебным планам? — поинтересовался Просвирнов у одного из своих замов.

— Так точно. За месяц подготовили ещё два потока перед отправкой в Афганистан. Все прибывшие лётчики были допущены и прошли полный курс подготовки.

— Замечательно. А были ли у нас те, кого мы не допустили по какой-либо причине? — задал вопрос Просвирнов нашему командиру полка.

Иванов спокойно рассказал о случае с Тубиным, не называя конкретно его фамилию.

— Ясно. Что будете показывать, Пал Егорыч, приезжим гостям? — спросил Просвирнов у Иванова.

Такое ощущение, что лётный состав, собранный в актовом зале, выполнял роль массовки. Сам же генерал был сосредоточен на том, что сейчас ему предложит Павел Егорович. Кажется, Просвирнов серьёзно переживал за исход работы комиссии, раз так внимательно слушал Иванова.

— Пилотаж на МиГ-21, несколько проходов парами и звеньями, а также имитация ближнего боя МиГ-23 и МиГ-21, — сказал командир, выкладывая перед начальником центра план показательных мероприятий.

Также на стенде висела большая схема «линейки» воздушных судов, которые должны были пролететь парадным строем над аэродромом.

— В строю пролетят МиГ-21, за ними Су-17 и Су-25, после МиГ-23, — объяснял Иванов, показывая указкой на схему.

— А куда вы определили пилотаж и имитацию воздушного боя? В какой момент показа? — уточнил генерал, поднимаясь со своего места и подходя к схеме.

— Сразу после прохода взлетает МиГ-21. Пилотировать его будет майор Гнётов, врио командира 1й эскадрильи, — ответил Иванов и Григорий Максимович, услышав свою фамилию, быстро встал со своего места.

— Хорошо. Воздушный бой кто будет крутить? — задал вопрос генерал.

— МиГ-21е — пара Родин и Барсов. МиГ-23 — я и Бажанян, — доложил Иванов, и все участвующие тут же встали.

Мы с Мариком стояли рядом друг с другом, а перед нами, тяжело дыша стоял Араратович. На МиГ-29 он решил не сразу допускаться, а первым делом освоил МиГ-23. Интересная у нас получится схватка!

Конечно, на земле мы уже всё проработали. Пару раз даже открутили порядок показательного боя в воздухе. Победителями нам с Мариком не дадут из него выйти, хотя

«погонять» начальников возможность у нас будет.

Просвирнов посадил нас на свои места и пошёл ходить рядом со столом. Снова подойдя к схеме, он отрицательно покачал головой.

— Парад утверждаю. Пилотаж и воздушный бой — нет, — сказал Просвирнов. — Все и так знают, что на МиГ-21 и 23 вы асы. Так вот, проверяющие желают, как мне кажется, увидеть ваш уровень освоения нового истребителя. Включите в программу МиГ-29.

И тут настроение у большинства лётчиков нашей эскадрильи заметно упало. Половина из присутствующих только-только начали его осваивать. Иванов и вовсе на нём только в Липецке слетал пару ознакомительных полётов по кругу. О каком включении в показ сейчас говорит генерал, не совсем понятно.

— Товарищ генерал, уровень освоения новой техники у нас низкий. Показ возможностей может быть смазанным, — ответил генералу Иванов.

Не стал бояться признать эту проблему командир. Вот только судя по выражению лица Просвирнова, он её не признаёт.

— Тогда я вам конкретно уточняю изменения в показ. В параде выполняют проход новые истребители тоже. И в дополнение ко всем мероприятиям пилотаж крутите на МиГ-29. Над аэродромом. И рассмотрите возможность замены МиГ-21 при выполнении воздушного боя, — дал указание генерал.

Загнул, генерал. Не хочет слышать о наших проблемах. Полковник Иванов слегка замешкался, услышав поставленную задачу, но молчать не стал.

— У нас нет тех, кто был бы готов выполнить программу высшего пилотажа на МиГ-29. К отработке воздушного боя мы только недавно начали приступать. Сами понимаете, 29х с двойным управлением ещё нет. Так что все лётчики осваивают практически самостоятельно новый для себя самолёт.

— Пал Егорович, вам задача ясна? Командование ждёт от нас быстрого освоения новых самолётов. Не стоит их разочаровывать, — ответил Просвирнов. — Кто из лётчиков ас воздушного боя?

Мда, и как теперь Иванову выкручиваться? Полковник посмотрел в зал в поисках кандидатуры на пилотаж. Гнётов отвернулся куда-то в сторону. Максимович давно освоил МиГ-29 и вполне себе мог бы претендовать на этот полёт. Вот только он после переучивания на 29 м почти не летал.

Иванов, наверняка, готовился назвать фамилию Гнётова генералу, но тогда нужно будет его заменить на 21 м. На «балалайку» проще найти «пилотажника». Если мне самому вызваться? Можно заработать хорошую репутацию у начальника Центра.

— Товарищ генерал, старший лейтенант Родин готов отработать пилотаж, — встал я со

своего места, обратив на себя взгляды всего зала.

— Вы уверены в своих силах, Родин? Хорошо освоили МиГ-29? — спросил Просвирнов.

— Пожалуй, лучше всех в полку, — ответил за меня Иванов.

— Замечательно. А кто тогда воздушный бой отработает? — поинтересовался генерал.

— Так...смогу после отработки первой части и ближний бой слетать, — тут же ответил я.

У Иванова чуть челюсть не отвисла. Он совершенно не ожидал, что кто-то настолько смело может закрыть эту задачу, поставленную генералом. А Гнётов так и не вызвался слетать на МиГ-29.

— Кто в паре будет с Родиным? — спросил генерал.

— Товарищ генерал, лучше будет смотреться бой один на два, — сказал Иванов и по залу прокатилась волна удивления.

Да я сам был в шоке! К такому меня ещё Родина не готовила!

— Хорошее предложение. Так, мы покажем, насколько МиГ-29 превосходит самолёты предыдущего поколения, — сказал генерал и, раздав ещё несколько указаний, распустил всех.

Иванов, конечно, дал мне указание задержаться на входе, а Гнётов решил сопровождать меня в этом разговоре.

— Совсем страх потерял? Так сильно уверен в себе, Родин? — злобно шипел на меня Григорий Максимович.

— Абсолютно уверен. Самолёт я хорошо прочувствовал. Пилотаж на нём для меня не будет чем-то сложным, — ответил я.

— Если ты облажаешься, начальник Центра нас изничтожит. А перед ним Иванов расчленит. Как ты собираешься воздушный бой работать один на два? — спросил Гнётов.

— Пару раз слетаем до комиссии. Потренируемся, и всё получится, — сказал я. — Вы то, чего переживаете, Максимыч? Последнее время нервничаете постоянно.

— Вот только я с тобой забыл это дело обсудить, — начал рычать Гнётов на меня, но продолжать не стал.

Из актового зала вышел с оптимистичным настроем Иванов и похвалил меня за смелость.

— Вызвался сам? Молодец. Генерал сказал, если справишься — поощрить тебя. Если нет — сделать выводы. Для тебя неутешительные, — похлопал он меня по плечу.

Отлично настроил меня на работу Павел Егорович. Я теперь сам не в восторге, что вызвался.

Прошла неделя, и вот очередной апрельский день мы встречали построением всего Центра на магистральной рулѐжке. Как раз в эти минуты по полосе рулил Ту-154 с проверяющей нас комиссией. Вынесли флаги, установили трибуну и даже пригласили журналистов.

За строем ожидал кортеж из нескольких машин для перевозки комиссии, а техники уже подготовили к вылетам самолѐты, участвующие в показе.

Ту-154 зарулил на стоянку, а генерал-майор Просвирнов быстрым шагом пошёл встречать председателя комиссии у самого трапа.

Главным среди московских гостей оказался первый заместитель главкома ВВС маршал Ефимов Александр Николаевич.

Дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны.

Во время войны летал в штурмовой авиации, которая несла самые большие потери в ходе боѐв с фашистами. Уже после войны, пройдя долгий путь командных должностей, он принимал участие в боевых действиях в Египте. В Афганистане тоже успел побывать. Чуть позже станет и Главкомом ВВС, сменив на этом посту главного маршала авиации Кутахова.

Скончается в августе 2012 года.

Ефимов был одет не в повседневную форму, а в лѐтный камуфлированный комбинезон. Так, сразу его было и не узнать.

Быстро переговорив с Просвирновым, он направился к нашему строю. Александр Николаевич поприветствовал нас и описал задачи работы комиссии.

— Постараемся закончить всё быстро, но качество нашей работы от этого не пострадает. Мы собирали вас здесь, поскольку вы обладаете опытом боѐв в Афганистане. И только у вас получится научить авиационных специалистов всему, что потребуется им за теми горами. Генерал Просвирнов, что вы нам приготовили? — спросил маршал.

— Есть возможность ознакомиться со всеми самолѐтами, которые стоят на вооружении нашего полка. Готовность к запуску групп через 30 минут, — доложил наш генерал, но Ефимов решил сначала посетить лѐтную столовую.

За это время весь личный состав группы показа успел ещё раз пройтись «пешим по лѐтному» и выполнить последние приготовления. У своего самолѐта я встретил командира полка и Бажаняна. В очередной раз они наставляли меня, как нужно будет провести воздушный бой.

Их программа меня совсем не впечатлила. Такое ощущение, что мы для детей показ делаем. А ведь за нами будет наблюдать целый заместитель главкома ВВС, прошедший войну и сам недавно поднимавшийся в небо на МиГ-29. Ефимов не зря одел лѐтный комбинезон.

Однозначно слетает у нас одну лѐтную смену.

— Товарищ командир, это будет слишком просто, — не согласился я с Ивановым, который предлагал мне простейшие манёвры для выхода из-под облучения МиГ-23.

— Поясни, — сказал Павел Егорович.

— Вклиниться между вами и занять атакующую позицию сзади — ещё ничего. А вот выйти для срыва пуска ракеты простым виражом вправо, не меняя высоты — слабо. Давайте я вам предложу иной вариант.

— Командир, послушаем Родина. Он уже несколько раз так делал, — посмеялся Араратович.
— Тогда, правда, у него был МиГ-21. Сейчас он на более манёвренном самолёте.

— Ну давай, старлей. Рассказывай замысел, — сказал Иванов и приготовился слушать.

Я объяснил расклад своим партнёрам по этому показательному бою. Весь этот комплекс должен будет занять у нас не более 5 минут. Просто мне после пилотажа запас топлива не позволит больше летать.

Иванов дал добро, и они с Араратовичем пошли на свои самолёты. Веня Бубко при этом стоял с открытым ртом и готовился принять от меня фуражку.

— Серьёзные дяди приехали, да? — спросил мой техник, вытирая тряпкой грязные руки.

— Не то слово. В глазах рябит от блеска из звёзд на погонах, — ответил я, утвердительно кивнув. Медленно одев свой шлем, я услышал звук запускающихся двигателей самолётов.

На стоянке уже запустились штурмовики и истребители-бомбардировщики, которым предстоит сейчас пройти в парадном строю над полосой. Замыкать этот строй будет пара Иванов-Бажанян, которые потом встанут в зону ожидания.

Вдалеке к трибуне подъехал кортеж машин. Из чёрной «Волги» показалась та самая фигура первого заместителя главкома ВВС. Всё как и было рассчитано.

Я занял место в кабине и ждал условного сигнала на запуск. Им должен был стать момент отрыва от полосы крайней пары самолётов, а именно МиГ-23х.

На полосе выстроилось звено МиГ-21х. В эфире всем парадом рулил руководитель полётами, а также заместитель Просвирнова.

— Внимание! Группе 1, взлёт разрешил, — дал команду руководитель полётами.

По полосе понеслись 21е, подняв носовое колесо и оторвавшись на установленной скорости. За ними пошли Су-17е и Су-25е. Штурмовики разгоняются чуть медленнее сверхзвуковых самолётов.

— 505й, запуск, — дал мне команду руководитель полётами, когда в воздух поднялись МиГ-23е.

Запуск произвёл быстро и начал руление на предварительный старт. В голове ещё раз продумал весь комплекс пилотажа. Потом времени не будет.

В эфире один за одним запрашивались на проход группы. Руководитель полётами не сразу давал всем разрешение. Он отслеживал точность выхода на посадочный курс по времени и безопасный интервал между группами.

— 505й, после прохода крайней группы на полосу, — дал мне команду РП.

— Понял.

Состоялся первый проход четвёрки МиГ-21, один из которых отвернул влево и встал в вираж. Это был Гнётов, который будет передо моим выступлением выполнять фигуры пилотажа.

Пара Иванов-Бажанян выполнила проход. Я сразу же поехал на исполнительный, выполнив крайние проверки на самолёте. Вырулил на полосу и остановился.

Гнётов как раз вышел в аэродромную зону для выполнения пилотажа. Несколько фигур, форсированные развороты и он снова уходит в сторону, готовясь к посадке.

Я ещё раз всё быстро проверяю. В кабине всё в порядке. Двигатели опробовал.

На ручке управления самолётом откинул гашетку стартового тормоза. Руководитель полётами вот-вот даст мне команду на взлёт. Тормоза выжимаю до конца и жду команду.

— 505й, взлёт, — получил я разрешение.

Дал полные обороты двигателя, удерживая самолёт на тормозах. Посмотрел на приборы и удостоверился, что все параметры в норме. Рычаг управления двигателем перевёл в положение «Полный форсаж».

Бросил ещё один взгляд на приборы, а самолёт уже начал страгиваться с места.

Примерно 16 тонн тяги при весе машины в 13 тонн прижали нос самолёта к земле, а сами колёса со скрипом поползли по бетонке. Отпустил тормоза и МиГ-29, словно бешеный пёс, кидается вперёд.

Скорость стремительно нарастала. Однако не надо торопиться брать ручку на себя. Я ждал, когда скорость достигнет отметки в 300 км/ч. Стрелка подходит к нужному значению и... пора!

Плавно потянул ручку, и самолёт мгновенно оторвался от земли. Сейчас будет первый элемент пилотажа.

Я непрерывно увеличивал угол набора. МиГ уже почти вертикально, и в этот момент я только убрал шасси.

Вертикальное положение зафиксировал. Скорость уже 410 км/ч.

Добрал ручку управления на себя и попался на слепящий луч солнца. Надо тянуть дальше и переложить самолёт на спину. Есть! МиГ-29 при выполнении таких фигур покладистый и лёгкий.

Посмотрел на высотомер — стрелка на отметке в 1100 м. Ручку отклонил влево и начал выполнять «бочку».

Начал пикирование. К земле нужно подойти поближе, чтобы большие гости оценили полёт самолёта.

Земля приближалась, перегрузка росла. И вот он момент вывода! Резко выдохнул и потянул самолёт на «косую петлю». Выполнил и этот элемент.

— Не ниже 100 метров работай, 505й! — слышу я предостережение от заместителя начальника Центра в эфире.

— Понял. Не ниже 100.

Ручку управления самолётом опять на себя и в верхней точке выполнил переворот. Вираж с креном больше 60° и снова потянул самолёт на «косую петлю». Осталось ещё пара элементов.

Бросил взгляд вниз, а на стоянку уже постепенно зарулили все самолёты, участвовавшие в проходе над полосой.

Снова начал пикировать вниз, выполнив «бочку» на нисходящей вертикали. Выровнял самолёт, разгон на «Максимале» и снижаюсь как можно ниже над полосой.

— Выше! Выше 505й! — кричит в эфир заместитель Просвирнова, но он явно плохо изучил мой комплекс.

О таком проходе было договорено. И как раз сейчас ко мне на хвост садятся два МиГ-23х.

— 505й, я 001й. Начинаем работу, — услышал я голос Иванова в эфире и заметил пару атакующих у себя сзади.

Топливо хватает на несколько минут интенсивной работы, а потом спокойно можно сесть с визуального круга.

Подпустил противника ближе. Выровнял самолёт и стал ждать, когда первый атакующий выйдет сзади.

— Атакую. Прикрывай слева, — сказал в эфир Иванов, следуя за мной вниз.

Бажанян окончательно отвалился и слишком широко начал обходить меня. Пора уже начать

и... закончить всё.

Переворот и ушёл вниз под Иванова. Тот последовал за мной. Бажанян пошёл в разворот, но быстро переложить самолёт не успел.

Снова переворот и резко ушёл вверх. Выполнил «бочку» влево и дал проскочить мимо себя Иванову. Прицел включён. Секунда и противник в захвате.

— Пуск один! Пуск два! — громко сказал я в эфир и командир отвернул на аэродром, на посадку.

Остался Араратович, который тут же берёт меня на прицел. Ушёл вверх и тут же выполняю переворот на горке. Ручку отклонил от себя и спикировал вниз. Не тут-то было. Бажанян снова на хвосте и несётся за мной к самой земле. Ладно! Есть ещё одна штука.

Выровнял самолёт над землёй. Араратович сверху. Ручку управления самолётом на себя и показываю всем видом, что ушёл на мёртвую петлю. Перегрузка начинает расти. Нутром почувствовал, что Бажанян уже близко. Силуэт его МиГ-23 промелькнул в одном из зеркал в кабине.

Ручку отклонил влево, но потом на себя и вправо. Управляемая бочка получилась, как всегда, эффектно. Во время перевёрнутого положения заметил, как проскочил мимо меня Араратович.

Выровнял самолёт и теперь мой противник прямо по курсу. Бажанян решил не бегать, и я легко его условно сбил.

— 505й, задание закончил. Прошу вход к третьему на 300, — запросил я заход на посадку с визуального круга.

Посадка получилась мягкой. Тормозной парашют решил не выпускать, поскольку скорость загасил очень быстро.

Не успел я зарулить на стоянку, как к ней уже подъехал на своём УАЗике Иванов. Он уже обсох после напряжённого полёта, а вот я ещё только отходил от него. Вспотел так, что воду можно из подшлемника выжимать.

— Товарищ командир, старший лейтенант Родин полётное задание выполнил, — доложил я командира, как только вылез из кабины.

— Все задуманные элементы выполнил? — спросил Павел Егорович, поправляя воротник моего комбинезона.

— Так точно. Начальство должно остаться довольным, — ответил я.

— Посмотрим, — сказал Иванов и пошёл к своей служебной машине. — Сегодня среда?

— Подтвердил, — сказал я.

— Это хорошо. В понедельник жду тебя с рапортом на имя начальника Центра.

Каким ещё рапортом? Не совсем пока понятно, что от меня хочет командир.

— Товарищ полковник, а что за рапорт?

— На поступление в школу испытателей. Отпущу я тебя туда.

Глава 11

Комиссия была удовлетворена нашим показом. Особенно Ефимов хвалил воздушный бой одного МиГ-29 против пары МиГ-23. Как мне утром сказал Гнётов, маршал потребовал запланировать ему такой же полёт.

— И что? Полетит? — удивился Марик, когда мы следовали втроем на стоянку готовиться к очередному вылету.

— Нет, конечно, — сказал Гнётов, останавливаясь, чтобы прикурить сигарету. — Ефимов сказал, что не так хорошо освоил МиГ-29. Так что ему просто спланировали зону и пару кругов после конвейера.

На аэродроме было непривычно пусто. Никто не запускался, машины не ездили рядом со стоянками самолётов. Только несколько техников, несущих службу в суточном наряде, бродили под выглянувшем солнцем. Небесное светило несмотря на апрель, уже припекало.

— А чего так пусто? — спросил я у Гнётова.

— Сейчас маршал будет заруливать. Просвиринов его встречает, — кивнул в сторону стоянки нашей эскадрильи Григорий Максимович.

— Какой-то закрытый показ получается. Зачем же людей убрали? — удивился я.

— Родин, вот будешь начальником Центра, тогда и принимай иные решения, — возмутился Гнётов и уставился на заходящий на посадку МиГ-29.

Истребитель плавно снижался. Прошёл торец полосы и коснулся бетона аккуратно в полосе точного приземления. На отлично выполнена посадка.

— Это маршал? — спросил я.

— Он самый, — сказал Гнётов и затушил сигарету. — Давай в сторону отойдём, а то увидят.

— Так, мы же к полёту идём готовиться, — удивился я.

— Потом. Сейчас маршал увидит, мало не покажется, — ответил Гнётов, подталкивая меня

и Марка к отбойникам.

За ним как раз скрывался с десяток техников, выглядывавших на стоянку.

— Мы тоже в засаде, Сергеич, — сказал мне Бубко, почёсывая свои усики.

— А чего всех так прячут? — воскликнул Марик, но на него тут же зашипели, прикладывая указательный палец к губам.

Самолёт маршала зарулил на стоянку. Двигатели начали замолкать, готовясь к выключению. Как только Ефимов вылез из кабины, я показал Марку, что мы можем идти к своему самолёту. Через десять минут у нас был по плану вылет, а нарушать плановую таблицу полётов не стоит.

Гнётов тоже потихоньку пошёл к своему самолёту, оглядываясь в сторону начальства. Его МиГ-21 и наши 29е были рядом со стоянкой, куда и зарулил Ефимов. Начав осмотр своих самолётов, мы с Мариком получили порцию гневных взглядов от больших людей из 137го Центра.

— А ну, пошли отсюда! Вам команду не доводили? — подошёл к нам какой-то майор в повседневной форме с несколькими портфелями. — Здесь маршала встречают.

— Мы не можем нарушать документы, товарищ майор. У нас вылет скоро, — сказал я, но это не сильно повлияло на возмущённого офицера.

— Начальник Центра приказал всем спрятаться, чтобы не мешать маршалу. Пошли отсюда, сказал, — уже рычал майор.

Толпа офицеров во главе с Ефимовым двинулась к машинам, ожидавшим на магистральной. Майор тут же бросился за этой делегацией, позабыв о нас. Подбежав к остальным, он сразу бросился кому-то «настукивать» из командования Центра.

— Так, а где все люди? Генерал Просвирнов? — спросил маршал и начальник Центра подошёл к Ефимову, который не торопился садиться в машину.

— Они... на своих местах. Просто, чтобы вам не мешать...

— Когда это мне мешали техники и остальные лётчики? В какую часть не приеду, постоянно прячут людей от меня. Они работать должны, а не за отбойниками сидеть, — строго указал маршал. — Эх, хороший самолёт! — громко сказал Ефимов, посмотрев на МиГ-29, на котором он только что отлетал своё полётное задание.

Кортеж укатил, а мы с Марком продолжили готовиться. Странное решение командования — скрывать свой личный состав от глаз приезжего начальства. Будто мы сейчас пойдём на них жаловаться.

После полётов, командир полка Иванов на разборе полётов рассказал о впечатлениях

маршала.

— Александр Николаевич в восторге. Ему всё понравилось. Он опробовал нашу технику и спокойно убыл в Москву. Это хорошие новости, — сказал Павел Егорович.

— Есть и плохие? — поинтересовался Гнётов.

— Куда же без них, — вставая со своего места, сказал Иванов. — Ангола, Куба, Сирия — знаете, что у них общего?

— Это государства, товарищ полковник. Наши союзники, — быстро ответил Марик, вскакивая со своего места.

На лице у Барсова была такая дурацкая улыбка, будто он сейчас в «Что? Где? Когда?» верно на вопрос ответил и получил связку книжек.

— У тебя не Барсов фамилия, случайно? — спросил Иванов.

— Так точно. Я, товарищ командир, — радостно заявил Марик, которого уже дёргал за штанину Гнётов, чтобы тот сел на место.

— Садись, — разочарованно выдохнул Иванов. — Как верно заметил «член клуба знатоков» Барсов, это наши дружественные страны. Так вот нам нужно будет подготовить некоторое количество лётчиков и специалистов наземного состава из этих стран. Прибудут они в течение ближайших месяцев.

Ох и работы у нас теперь прибавится! Мало того, придётся учить иностранцев на МиГ-21 и МиГ-23, так ещё и самим не забывать летать на МиГ-29.

Рапорт Гнётову я решил написать заранее. Но для начала с комэской нужно поговорить с глазу на глаз. Он и так нервный в последнее время. А тут, если я напишу рапорт, за который его будут везде таскать, то это совсем пошатнёт его нервную систему.

В своём кабинете Григорий Максимович в этот пятничный день сидел один. Окно было приоткрыто. В чёрно-белом экране телевизора выплясывали девушки в кокошниках.

— Заходи Родин, — увидел меня Гнётов, как только я открыл дверь. — Что у тебя?

— С рапортом к вам обратиться пришёл, — сказал я и положил перед комэской лист бумаги с аккуратно написанным текстом.

Не стал я писать полное название школы. Специально оставил немного места, чтобы в кадрах написать официальное название.

— Да, слышал. Командир предупреждал меня, чтобы лишних тебе вопросов не задавал, — сказал Гнётов и вывел на бумаге «Ходатайствую по существу рапорта старшего лейтенанта Родина С. С.». — Держи и не забудь к замполиту зайти. Потом к командиру после

постановки задач в понедельник. Сейчас в кадры дуй. У них лежит разнарядка.

— Понял, спасибо, — сказал я и развернулся к выходу.

Вот только непонятно мне было что за разнарядка. В школу испытателей во Владимирске? С желающими попасть туда проблем никогда не было. Проблема, чтобы тебя туда отпустили на вступительные экзамены.

— А что это за разнарядка? — спросил я.

— Не знаю, Сергей. В кадрах спросишь. Тебе Трефилыч всё и расскажет, — отмахнулся Гнётов.

В кадрах майора Балтина не оказалось. Зато во всей красе была сегодня Карина. Как только я пересёк порог, она отбросила все свои дела. Настолько она заинтересовалась моим приходом, что убрала в стол зеркальце, расчёску и пилочку для ногтей.

— Чай, Серёжа, будете, — сказала Карина и метнулась к столику с кружками, самоваром и конфетами.

— Это не вопрос, как я понял? — спросил я.

— Угадали, — улыбнулась блондинка.

Одета она была в белоснежную блузку, лишнюю пуговицу на которой она расстегнула, когда я вошёл в кабинет. Бордовая расклёшенная юбка не скрывала стройных ног и сочных бёдер. А медленная походка на каблуках с каждым шагом отдавалась ниже пояса. Ох, Родин! Такими темпами ты новой встречи с Верочкой можешь не дожидаться. И не факт, что она готова к близости будет.

— Сергей, вы снова куда-то переводитесь? — улыбнулась мне Карина, наливая чай.

— Можно и так сказать, — ответил я и сел на стул рядом с рабочим местом Балтина.

— Вы настолько сильно хотите покинуть Осмон, что готовы на всё, чтобы уехать отсюда? — загадочно посмотрела она на меня. — Неужели, вас здесь ничего... ой, простите! Вас здесь никто не сможет удержать?

Если бы у меня были отношения с такой Кариночкой, сочной и так жаждущей меня, я бы, может, и не так стремился в испытатели. Хотя нет! Девушки будут всегда, а вот в школу могут больше не дать возможности поступить.

— Эм... есть кое-кто, кому это по силам, — сказал я и у Карины глаза загорелись от неожиданности.

Она поставила чашку с налитым горячим напитком и подошла ко мне.

— Даа? — воскликнула она. — Кхм, простите Сергей. И у этого человека есть имя? — медленно стала подходить ко мне блондинка, не сводя с меня своих голубых глаз.

Будь это не Советский Союз, решил бы, что меня сейчас активно соблазняют. Перед глазами даже появился сценарий этой постельной сцены следующего содержания.

Дверь в кабинет защёлкнулась. Карина медленно расстегнула одну за одной пуговицы. Пока, правда, на своей блузке. Походкой от бедра, направилась ко мне, снимая по пути верхнюю одежду и оставаясь в кружевном нижнем белье. Томное дыхание, нежные прикосновения и... в этот момент должен кто-то зайти. Обычно так это со мной бывает.

Но сейчас такое невозможно. Зато одной фразой сейчас можно обломать мечты девушки.

— У этого человека есть и имя, и отчество, и звание с должностью, — ответил я и тут же настроение у блондинки изменилось.

— У меня нет звания, Сергей, — возмутилась Карина.

— Так... и не про вас говорил, — пожал я плечами.

Блондинка фыркнула и пошла на своё место.

— Чай сами возьмёте, старший лейтенант Родин, — сказала Карина и принялась что-то активно строчить на печатной машинке.

Трефилович прибыл через пару минут, когда я уже выпил половину чашки.

— Родин это хорошо, что ты предусмотрительно не написал название школы. Не всё там так просто, — сказал Балтин, записывая меня в какой-то список.

— Можете пояснить? — спросил я.

— Да. Эта разрядка как снег на голову свалилась. «Быстро! Срочно! Ещё вчера надо было!» — вот так мне это обрисовал кадровик 137го Центра.

Интересная ситуация получается. Во Владимирске мне пару месяцев назад утверждали одно, что есть критерии на поступление. И я с ними согласен полностью.

Теперь же какая-то срочность в отправке людей на вступительные экзамены. Будто полк ещё один хотят сделать испытательный и кучу народа будут сгонять со всей страны. Иначе бы зачем меня, неподходящего под критерии, вносили бы в список.

— Ну, я тебя записал. В понедельник сначала к замполиту, а потом и к Иванову. Я уже не пойду с тобой. Вы там сами до чего-нибудь договоритесь, — улыбнулся Трефилович и отпустил меня.

На выходе я поймал печальный взгляд Карины, смотрящей мне вслед. Жалко девчонку, но не

настолько она мне нравится, чтобы броситься к ней в объятия.

До понедельника ещё два дня и оба они выходные. Тягомотина страшнейшая. И зачем нужно было вот так оттягивать это решение на подпись моего рапорта? Оформили бы его сегодня, а в понедельник бы он уже лежал на столе начальника политотдела Центра, а потом и у Просвирнова. Во вторник можно отправить его стандартным рейсом в Москву на утверждение.

Благо, за время Афганистана через наш полк шли регулярные рейсы на Чкаловский. Раз в неделю однозначно. Эти ребята выполняли задачи и почтовиков, и пассажирских лайнеров, и... «Чёрных тюльпанов» тоже.

Так, я размышлял до самого общежития. Уже представлял себе, сколько мне предстоит повторить перед поступлением. Гадать, что именно будет на лётной практике, не имеет смысла. Каждый раз там всё по-разному.

Так бы я думал до самой двери моей комнаты. Войдя в фойе, я уловил запах женских духов. И это явно не парфюм нашей вахтёрши Васильевны.

— Сергей Родин, сколько же вас можно ждать? — улыбалась мне хрупкое создание, смотря на меня своим огненным взглядом и перебирая золотистые локоны.

— Рабочий день до 17.00, Верочка, — ответил я и сделал ей несколько шагов навстречу.

Девушка бросилась мне на шею и не стала сдерживать эмоций, нежно поцеловав меня в губы. Последние дни мне сильно прёт!

— Что значит, прёт? — удивилась Вера, положив мне голову на грудь.

— Оу, я что вслух сказал, что мне последние дни прёт? — улыбнулся я.

— Совсем голову потерял от запаха моих духов, — сказала Вера, подставив мне шею и дав мне возможность почуять носом приятный аромат французских духов.

«Клима Ланком» — как у Нади из новогодней советской классики «Ирония Судьбы».

— И не только от этого аромата, — сказал я, медленно спустив руки чуть ниже талии.

— Кажется, нам нужно поскорее в твою комнату, — шепнула мне Вера и я, схватив чемодан девушки, повёл её наверх.

Мы прошли в комнату, и я закрыл её на ключ. Наша одежда за несколько секунд разлетелась по всей комнате. В эти первые секунды наслаждения я не мог определить, что больше меня притягивает — аппетитные формы девушки или желание целовать её губы, шею и грудь.

В комнате явно стало жарко. Чем ближе мы были к мягкой, но скрипучей кровати, моё

дыхание всё сильнее сбивалось. А она смотрела на меня насмешливыми зелёными глазами. Её огненный взгляд манил меня и лишал рассудка.

— Пора ложиться, Серёжа, — прошептала Вера и начала подталкивать меня к кровати.

Но я же самец! В первый раз я буду доминировать.

Не помня себя, я схватил её и положил животиком на стол, смахнув всё, что на нём было. Вера вела себя весьма послушно, изящно прогнувшись и приподымая свою попу.

Бешеный темп движений то на столе, то на кровати. В завершение, без сил мы рухнули на шатающийся стол, который держался на морально-волевых качествах после наших с Верой скачек. Такой страсти в отпуске у нас не было!

— Ты так по мне соскучился, правда? — обнимала меня Вера, прижимаясь сильнее к моей груди.

— Не то слово. Ещё немного бы и «крыша» потекла, — улыбнулся я.

— А тебе ничего не скажут соседи за такое громкое... занятие? — улыбнулась девушка, поглаживая меня по вспотевшему носу.

— Они и сильнее могут шуметь, — посмеялся я и прильнул к губам Веры.

В этот момент ножки стола не выдержали и подломились. С грохотом и фразами русского фольклора, мы полетели с Верой вниз. Благо, что ниже пола в этом случае упасть нельзя.

— Сломали, — подытожила Вера, кутаясь в покрывало, которое валялось на полу.

— Восстановим. Всё равно от сюда готовлюсь съезжать, — сказал я и рассказал Вере о планах на школу испытателей.

— Так это мы можем... и не расставаться теперь, — обрадовалась девушка, и я в ответ нежно поцеловал её.

Тут же раздался стук в дверь и послышался ворчливый голос Васильевны.

— Родин, я всё понимаю — молодость, но занимайся этим делом по ночам. И я всё слышала, как вы сломали стол. Восстанавливать будешь, — выругалась вахтёрша и пошла дальше, «патрулировать» коридор.

Мда, а стол и правда нужно чинить или новый покупать.

Все выходные мы провели с Верой вдвоём. Пожалуй, вот с ней мне и правда спокойнее. Нет снов о далёких берегах со ржавыми кораблями. Спина не ноет по утрам. Просыпаешься, а рядом прелестное создание, безмятежно спит, и ты боишься пошевелиться, чтобы её не разбудить.

— Доброе утро! — прошептала Вера, открыв глаза. — Сегодня ведь уже понедельник?

— Да. Тяжёлый день.

— Ты готов пойти и подписать свой рапорт? — улыбнулась Вера. — Это же обычное дело. Чего ты переживаешь?

— Просто мне непривычно, что так всё идёт легко. Комиссия довольная уехала, меня похвалили за полёт. Ещё и командир сам сказал рапорт писать. А главное — ты приехала. Слишком всё удачно складывается, — усмехнулся я, встав с кровати.

Я начал собираться на службу, достав повседневную форму из шкафа. Она у меня была уже давно подготовлена, как раз для особого случая. Планки орденов и медалей я закрепил уже давно.

— Значит, всё будет хорошо. Сегодня пойдёшь и все свои вопросы решишь, — сказала Вера, помогая мне одеться. — Смотри, какой ты красивый! — улыбнулась она, поглаживая рукой по моему плечу. — Беги на работу, а я пока сырников сделаю. На обеде поешь.

Ради сырников можно и прибежать. Через пару часов я уже стоял перед Ивановым в его кабинете. Точнее, Павел Егорович снова смотрел в окно, заканчивая курить свою папиросу.

— В повседневную форму нарядился? Молодец, — сказал Иванов.

— Так точно. Мы же не ограничимся разговором здесь? — спросил я.

— Нет. Сразу пойдём к начальнику политотдела Центра, а потом и к генералу, — сказал Павел Егорович и затушил сигарету. — Давай документы и рапорт.

Иванов быстро поставил подписи и указал мне на пробел.

— Пиши здесь не просто «Школа испытателей», а центр подготовки испытателей, город Циолковск.

Вот тебе на! А вот к такому я и не был готов.

— Это мне в случае поступления из армии придётся уволиться? — спросил я.

— Определённо, да. В Циолковске свой центр подготовки испытателей, не хуже и не лучше Владимирска. И вот оттуда, как раз таки, пришла разнарядка, — сказал Иванов и достал листок с телеграммой.

В ней говорилось, что требуется прислать для проведения вступительных испытаний в Циолковск по три человека от каждого Центра боевой подготовки. Требования были указаны очень лояльные, по сравнению с теми, что были во Владимирске.

— Тут тебе и налёт всего 400 часов. Срок службы не менее года. Нужен налёт на реактивных

самолётах. Похоже, что ты по всем параметрам подходишь, — сказал Иванов и дал мне телеграмму ознакомиться.

В первых строках говорилось о большой нехватке в авиационной промышленности лётчиков. Вот и набирают побольше народу.

— Выходит, что мне повезло? — удивился я.

— Определённо. Но ещё ничего не свершилось. Быстрее пиши и пойдём в штаб Центра.

Начальник политотдела внимательно прочитал мою характеристику. Несколько раз спрашивал, за что получил свои награды. Однако, так и не подписывал рапорт, пытаюсь меня как-то уболтать, остаться.

— Люди нужны, Сергей. Ты нужен здесь для воспитания молодых, — постукивал пальцами по столу полковник.

— Понимаю. Так, я и в Циолковске тоже нужен. Сами видите, что пишут в телеграмме о нехватке, — указал я на листок рядом с рапортом.

— Это у них там. А ты нужен в армии...

Мурыжил меня замполит, но всё же на рапорте положительную резолюцию оставил.

— Имеет огромное желание достичь больших высот в освоении новых образцов техники... Свой долг Родине старший лейтенант отдал сполна, проявив мужество и стойкость при исполнении интернационального долга, — перечитывал я написанное начальником политотдела.

Иванов пару раз даже улыбнулся, как меня расхваливал замполит на рапорте. Его резолюция по объёму вышла даже больше чем сам рапорт.

Теперь осталось преодолеть барьер начальника Центра. Если бы я пошёл к нему один, то шансов было бы немного. Пришлось бы доказывать, что я достоин поступать.

Генерал Просвирнов в момент нашего прихода уже рассматривал другие рапорта на поступление. Оказывается, много желающих попасть в Циолковск.

— Ещё одного привёл? Скольких ты готов отпустить в Подмосковье, Пал Егорыч? — спросил Просвирнов, откладывая в сторону мой рапорт.

— Лично за Родина, я пришёл просить. По поводу остальных — на ваше усмотрение, но этот лётчик должен поступать в испытатели, — сказал Иванов.

Лестно слышать это от своего командира. Пару месяцев назад я бы и не подумал, что он так будет обо мне отзываться.

— Сами, чего вы хотите, Сергей Сергеевич? — спросил Просвирнов.

— Я хочу учить летать самолёты.

— Смело! А сами вы, как будто уже научились летать? — поинтересовался генерал.

— Вы и маршал Ефимов всё сами прекрасно видели. Как я пилотирую и как я веду воздушный бой. Свои способности я проявил и в Афганистане. Пожалуй, нужен следующий этап развития, — ответил я.

— Мне всё равно до вашего развития и жизненных целей. Главная цель у вас — служить Родине. Где она скажет, когда она скажет и кем она вас определит, — громко сказал Просвирнов. — Скоро сюда иностранцы придут из дружественных стран. Кто их учить будет?

— Товарищ генерал, Родин, как никто другой, готов. Тем более, вы сами сказали, что поощрите его за отработку задания на демонстрационном показе комиссии, — напомнил Павел Егорович и Просвирнов задумался, почесав свой затылок.

— Поощрить? Это не сложно. Объявляю вам благодарность, старший лейтенант Родин за... — и начал нести всякую ерунду по поводу этого поощрения Просвирнов.

Кажется, на этом этапе мне придётся споткнуться.

— Служу Советскому Союзу! — ответил громко я и генерал дал мне указание подождать за дверью.

В приёмной уже собралась большая толпа народу в ожидании захода к генералу на подпись различных документов. Однако из-за дверей доносился громкий разговор. Кажется, Иванов пытался меня отстоять, но Просвирнов был непреклонен.

Через пару минут Павел Егорович появился в коридоре. Вид у него был расстроенный, а в руках рапорт с новой резолюцией — «Запрещаю...».

Дальше генерал объяснял, что я молод, моих регалий недостаточно, мол я тут ещё должен послужить. Подпись Просвирнова стояла после фразы «Через 3 года».

— Он говорит, что лучше отправить балбесов из нашего полка, чтобы они нам тут статистику не портили, — сказал Иванов и отдал мне многострадальный рапорт.

— А три года, откуда он взял срок? — спросил я.

— Кто его знает? Я за его логикой не поспеваю, — сказал Иванов и глубоко вздохнул. — Давит на то, что у тебя есть боевой опыт и МиГ-29 ты хорошо освоил. Приписал себе это достижение, как начальник Центра.

Ну конечно! Сам генерал меня обучал полётам на 29 м. Хоть бы постеснялся такие вещи

вслух говорить. Хорошо, что он ещё и успехи Томина в Афганистане в свою копилку не добавил.

— На этом уровне я тебе помочь не могу. Дальше ты сам, Сергей, — одобряюще похлопал меня по плечу. — И времени у тебя мало.

На этом уровне? То есть, если кто-то выше сможет мне подписать, я спокойно поеду поступать.

— Насколько мало у меня времени?

— Срок подачи списков истекает 30 апреля. Сегодня 26е, — расстроено покачал головой Иванов.

Звонок кому-то знакомым вопрос не решит. Им ещё нужно будет выйти на большое командование. В голове всплыла фамилия Граблина, но он в ВМФ. Совсем не ближний путь решения вопроса. Выйти на Нестерова в училище, так он тоже пока подымет всех на уши, время пройдёт. Найти Хрекова тяжело. Скорее всего лечится и не факт, что он мне поможет. Как и Крутов, чьих контактов у меня нет. Кажется, только самому.

— А дальше у нас кто по иерархии? — спросил я.

— Он, — указал Иванов на большой портрет с подписью «Главный маршал авиации Кутахов П. С.» в приёмной начальника Центра. — Не поедешь же ты в главкомат к нему сам?

К Кутахову, может, и не поеду... наверное. С другой стороны, Павел Степанович очень любит смелых парней. Сам он взрывного характера человек. Можно попробовать сыграть на этом. Дальше Осмона меня вряд ли отправят.

— Товарищ полковник, а могу я с завтрашнего дня отпуск взять? Готов даже на дней 10, — спросил я, а в голове уже разыгрался очень дерзкий план.

— Родин, отпуск я тебе дам, но не вздумай. Про Кутахова это я пошутил, — зашипел на меня Иванов.

А я нет. Надо ехать на приём к Главкому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Правообладатель запретил размещение полной книги!